

Петр I.

ГЛАВА I.

„Наполеон — это еще не есть Франция. Но Петр Великий — это Россия, ее плоть и дух, ее характер, воплощение всех ее добродетелей и пороков! — говорит о Петре галантный французский историк: — Личность Петра воплотила в себе всю Россию, это вместилище душевной и физической энергии, неожиданно открытое между старой Европой, уставшей жить, и старой Азией, утомленной своим бездействием. Наполеон — это только величайший из французов, но это еще не Франция. Петр — это Россия“.

Верно или неверно это характерно-французское, эффектно составленное определение, но, чтобы понять личность Петра, найти тот „маленький ключик“, с помощью которого, по известной поговорке, открываются и самые большие двери, надо раньше всего основательно забыть, выбросить из головы все то обычное и шаблонное, что связывают с именем Петра

лишь учебники доброго старого времени и официальные историки. Эти источники явно безнадежные, не только бесполезные, но часто и определенно вредные.

Даже пушкинские слова о Петре „то академик, то герой“ ни в какой мере не определяют этого огромного, сгубурного, светливого, могучего и болезненного человека. Если Россия — это „страна неограниченных возможностей“, то поистину человеком неограниченных возможностей был этот самый крупный из русских царей, которого Лев Толстой, не очень деликатно, но не без серьезных оснований — называл „беснующимся, нильным, сгнившим от сифлиаса звором“.

Но освещают, а только затемняют подлинную правду названные источники. Вчитываясь в документы эпохи, всма-

тривалась в изумительные страницы подлинной истории того времени, все время изменяешь острою удивление. До чего не похожа вся жизнь Петра на то, что принято о нем думать и считать бесспорным!

Крайне характерно, напр., что Петр Великий, как это с несомненною установивают бесспорные документы, был трусом. Доказательств резко выраженной трусости Петра истину не оберешься. Уже накануне того дня, когда семнадцатилетний Петр впервые заявил себя царем в „историческую ночь“ с 7-го на 8-ое августа 1689 года, когда перебежчики из Кремля явились к Петру с сообщением, что его сестра Софья злоумышляет против него, что она хочет навсегда сохранить в своих руках власть и собирается объявить себя полноправной царицей, — Петр ведет себя панически. Для паники и растерянности нет ни малейших оснований но Петр, выслушав сообщение, стремглав соскакивает с постели, в одном белье бежит в конюшню, вскакивает на лошадь и удирает.

Впоследствии он направится в Троицкий монастырь, но теперь, в эти часы бегства, у него нет никакой цели, никаких мыслей, кроме одной: — бежать, бежать во что бы то ни стало все равно куда.

Несколько конюхов догоняют его, приносят ему одежду; целый ряд приближенных разыскивает его, чтобы усовестить, убедить его, что ничего страшного и в помине нет, но отыскать смертельно перепуганного Петра невозможно. Он всю ночь скрывается в чаще леса и только утром решившись выбраться из гущи и направиться к Троице. Он весь дрожит, на нем лица нет. Кому предлагают лечь отдохнуть, но и отдыхать оказывается он неспособен. Он беспрерывно плачет, горько причитает, стонет и жалостно молит о помощи своего друга, архимандрита Викентия.

В чем причина этой страшной паники? Настоящей причины, оказывается, и вправду, в помине не было. Петр уверяет, что царевна Софья хочет его гибели, что она, будто бы, собирает войско, чтобы напасть на Преображенское и убить Петра, что его жизнь в опасности, но все эти жалобы и стоны остаются без доказательств. „Он слышал“, „он думал“, „о ему говорили“...

Н. Устрялов, особенно подробно исследовавший этот период, категорически доказывает, что все эти страхи не только не имели, но и не могли иметь никаких оснований. Софья чудесно знала, что Преображенское очень хорошо охраняется, что потешные полки Петра находятся на военном положении. Вся политика Софьи в этот период была совершенно противоположна активным выступлениям. Она отчасти боялась, а еще более, делала вид, что боится нападения со стороны Петра. Ее политика была, именно, в том, чтобы показывать, что она боится, что „ее обижают“. Она делала все, чтобы возбудить симпатию и жалость стрельцов и возбудить в них желание защищать ее.

Полная безопасность в этот период впавшего в панику Петра доказывается уже тем, что Софья даже не знала о страхах Петра и его побеге. Пребывание Петра в Троице явилось для нее совершенно неожиданностью.

Но успокоить Петра не удастся. Дрожащий, трепещущий, он горько, наизряд, плачет в келье Викентия. Но и после того, как припадок наконец миновал, и архимандриту Викентию „твердыми и ласковыми словами“ удалось, как будто, успокоить испуганного и слезливого царственного отрока, — Петр проявляет прежнюю трусость. Целый ряд приверженцев уже явился к нему. Борис Голицын и Бутурлин сообщают ему, что ими давно уже приняты все меры для той борьбы с Софьей, какая теперь предстоит, что они предвидели это столкновение, что силы велики, и победа обеспечена. Все растет и усиливается количество перебежчиков. Софья в одиночестве. Софья бессильна. Но Петр и теперь оказывается неспособным дать как-не бы то ни было распоряжения, проявить хоть малейшую инициативу. — Нет, нет, вы уж сами как-нибудь. Я не могу. Я боюсь!

Быть может, этот болезненный припадок трусости является единичным или исключительным в жизни Петра? Увы, нет! Через 11 лет после Троицы в 1700-м году, под стенами Нарвы, когда Петру уже 29 лет, когда он в полном расцвете сил и энергии — пред вами развертывается все та же картина совершенно исключительной, болезненной трусости. Идучи на рати, Петр весел. Собирался он в поход как на

праздник, веселился, шутил и был уверен в победе. Но, когда под стенами Нарвы, он узнал о приближении шведского короля, он сразу же струсил и стал вести себя, как напроказничавший мальчишка, которому пригрозили розгой. В полном отчаянии, он даже по пытался скрывать охватившей его панику.

—Это не солдат!—презрительно говорит о нем саксонский генерал Халлер, увидя его „удрученным и чуть не полоумным“, горько жалуясь и пьющим стаканами водку, „чтобы успокоиться“.

Водка, однако, не помогает. Петр не в силах притти в себя. Он покидает свое войско и в панике удирает, куда глаза глядят. Командование над войсками он передает кому попало, и к удивлению всех, главная роль отдана неведомому, не опытному, только что еще принятому на службу офицеру Декруа.

Паника Петра сказывается в каждом его шаге: он забывает пометить числом свои распоряжения, забывает приложить к приказу печать. — Бежать, бежать во что бы то ни стало!

Те бессвязные слова, какие он говорит на прощание, в качестве инструкций, перед своим побегом, по свидетельству очевидцев, „свидетельствуют столько же о растерянности, сколько о невежестве“.

Слезливость Петра и здесь не меньше его робости. Петр бежит, заливаясь слезами. Ни о каком преследовании его нет и речи, но Петр переодевается в крестьянский костюм, по-ребячески мажет себе лицо грязью, ходит сгорбившись, чтобы скрыть свой рост, и это состояние растерянности и трусости длится, оказывается, долгое время.

Узнав о том поражении, какое, как и следовало ожидать, понесли брошенные им под Нарвой войска, — он не только „проливает потоки слез“, но еще и „проявляет такое уныние, что никто не решается при нем и напомнить о войне“. — Какие угодно условия мира, самые унижительные, только бы мир! — таковы оказываются в те времена его мечты, по согласным и единодушным отзывам современников.

Пример с Нарвой также не исключителен. Еще хуже и растерянное поведение этого могучего человека и прославленного героя у Прута в 1711-м году. Петр — уже далеко не мальчик. Ему — почти 40 лет. Но трусливость его и слезливость проявляются здесь еще в более сильной степени, чем раньше. Уже и покидая Петербург, в апреле 1711-го года, он заботится только об обеспечении Екатерины и ее детей. Думать о государстве он теперь не может. В ответ на запросы Апраксина, требовавшего приказаний, Петр в своем письме от 24-го апреля 1711 года отвечает, что он „больной“, что он „в отчаянии“, что „никаких распоряжений“ он давать не может, тем по мессе, в поход выступает он торжественно с обычными бубнами и литаврами.

Петр прибыл в Яссы с 45-тысячной армией и громаднейшим обозом. С ним, кроме Екатерины, целый ряд утешных женщин. Даже офицеры того времени везли с собой на походе жен и детей. В военном лагере устраивались пышные пиры, ни чем не отличавшиеся от всешутейших оргий мирного времени. Жили, как и всегда, весело, но результаты получились на этот раз вовсе не веселые.

Господарь молдавский Галацмир принял было Петра с большой радостью, но корысть армию ему оказалось печен. Запасов никаких не имеется. Армия голодает. Подвоз невозможен, ибо татары, появившись с севера, отрезали тыл.

Положение со дня на день становится все трагичней и, наконец, 7-го июля вечером армия Петра сжата в тесном кольце турок, захвативших оба берега реки. Силы турок в пять раз больше, чем у русских. У турок огромный перевес в артиллерии. Поход был предпринят явно по-мальчишески. Но еще более по-мальчишески пытается Петр ликвидировать эту авантюру.

Первая мысль, какая овладевает Петром в это время, — это желание удрать в одиночку, покинув всю армию с военачальниками на произвол судьбы. Он обращается к казаку Иваку Некульжу, с своеобразной мольбой увести его из этого места, скрыть его, спрятать и спасти его и Екатерину.

„А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога, была бы только Россия во славе и благоденствии“, — цитирует казенные историки торжественное заявление Петра, провозглашенное им в свое время.

Реальная правда оказалась несколько иной. „Благоденствие“ — Петр старался спасти всеми мерами, но о „славе“ в критические моменты жизни он отнюдь не помышлял.

Когда попытка бегства оказалась неисполнимой, Петр пересел у себя в палатке, и махнул на все рукой. Он совершенно упал духом и оказался не в состоянии „не только давать какие бы то ни было приказания, но даже и выслушивать советы“. Заботу о спасении, думу о том, что делать, приходится целиком взять на себя Екатерину.

Дело, как известно, благодаря случайности, удалось спасти. Петра выручила жена. Великий визирь так обрадовался полученной от Шафирова взятке в 200 тысяч рублей и бриллиантовому перстню, который передала ему Екатерина, что согласился отпустить на свободу исключительно крупную рыбу, попавшую-было в его невод. Любопытная деталь: в момент паники Екатерина, расставаясь с бриллиантовым перстнем, все остальные свои драгоценности раздала гвардейским офицерам, правильно сообразив, что, „в случае чего“, при захвате неприятелем царя и царины, дело не ограничится одним бриллиантовым перстнем, и все драгоценности пропадут. Шафиров, натуральный еврей Шапиро, оказавшийся в дипломатических переговорах. Он пугал турками, что к русским вот-вот придет несуществующее подкрепление, уверял, что при решительном характере Петра, грозный царь уложит всю свою армию на поле битвы, живым в руки никоим образом не отдастся, раздавал во все стороны бакшин, и добился-таки того, что турки удовлетворились возвращением им всех завоеваний предшествующих войн, очищением Азова и т. п.

Полномочия, какие были даны Шафирову для ведения переговоров, были несравненно больше. Петр с радостью соглашался отдать, по свидетельству современников, даже „города, лежащие в самом центре России“. — Что хотите возьмите, отпустите только душу на покойно!

Турки согласились отпустить эту грешную душу, махнули рукой на перетрусившего и слезливого Петра, спрятавшегося в своей палатке, и Екатерина срочно востребовала возвращения розданных офицерам бриллиантов.

Но сразу же после получения радостного известия о счастливом окончании переговоров Петр — до чего характерно! — немедленно резко переменял тон, и сразу же выиграл духом.

В тот же день в письме к Апраксину он, хотя и сознается, что никогда „в этакой дисперации не был“, но настаивает, пытаюсь изобразить себя победителем! „Хотя неприятели вянуще сто тысяч нас числом превосходили, но однако же всегда выбиты были“. Ему приходится, конечно, сознаться в этом письме в том, что „положено все города, у турок вянуще, отдать“, этого никак не скроешь, но он тут же самоуверенно заявляет, что „сие дело хотя и не без печали“, но в итоге принесет, будто бы, „несравнительную прибыль“. И в полном согласии с этим новым тоном, вынутавшись из безнадежного положения, Петр не только сразу же отказывается исполнить данное им слово об уничтожении укреплений Азова, но еще и с легкой душой отдает спасшего его Шафирова, вместе с Толстым и младшим Шереметьевым, в заложники туркам. — Пусть поселят в Семибашенном Замке в Константинополе. Это неважно!

До чего резко расходится подлинная правда жизни с официальной правдой казенных историков!

Петр являл собою, конечно, фигуру огромную, личность яркую и разностороннюю. Но эта, напр., черта трусости являлась у него сплошь и рядом не только в военных обстоятельствах. В глубоко мирном быту она сказывается не менее ярко.

Когда в 1697 году он был в Кенигсберге, курфюрстина бранденбургская София-Шарлотта Прусская, заинтересовавшись северным царем, пригласила его в Коппенбрюгге, резиденцию герцога Брауншвейгского. „Но, когда войдя в дом, Петр увидел, что он не один, что курфюрстина пригласила к обеду и всех членов своего семейства, он струсил. Закрыв лицо руками, немедленно же обратился вспять,

и, удрав из дворца, насмех „покинул селение“. После долгих поисков, его, наконец, нашли и уговорили — таки вернуться, но и после этого он долго еще закрывает лицо руками, и не решается ни с кем разговаривать. Пришлось прождать много времени, пока Петр преодолел свою робость. Как и в деле с турками крайняя робость резко сменяется неумеренной развязностью: после ужина, во время которого „удивил окружающих“ тем, что обходился без ножа и без вилки (употребление этих полезных предметов в те годы считалось еще лишней роскошью в России, даже при царском дворе) Петр пустился даже в пляс, после чего позвал было своего шута, и „только убедившись, что обществу не доставляют никакого удовольствия эти кривляния, выгнал шута огромной метлой“.

Быть может, здесь, в этом случае, сказывается не трусость, а только застенчивость и робость? Но ни малейшей робости и застенчивости не проявляет Петр не только в застенках, где собственноручно пытал своих врагов, или на лобном месте, где он хвалится ловкостью, с какою он умел одним махом срубить не только топором, но и саблей голову очередной жертве, но и в гостях, при дворе Берлина и Лондона, где, как мы увидим в дальнейшем, его изумительная развязность сплошь и рядом ставила в очень тяжелое положение терроризированных хозяев.

Целый ряд примеров убедительно доказывает, что не одна только застенчивость, но и самая настоящая трусость проявляется в характере Петра не только на полях битвы, но и в мирной обстановке. Когда после поездки в Англию в 1698-м году Петр приехал в Вену к королю Леопольду, обычно развязный и смелый Петр вдруг потерял присутствие духа. Здесь его встретили без особой приветливости (проходившие близ Вены войска не согласились, напр., приостановиться, чтоб пропустить карету Петра), и его обычная гордость и самоуверенность внезапно оставили его. Совершенно необычным для Петра униженным тоном он почти просит о личном свидании с императором; обещает даже не заговаривать о деле, для которого приехал (союз против Турции), только бы ему позволили явиться с визитом

пред светлыми очю монарха. Принятый Леопольдом в замок „Фаворит“, он потерялся настолько, что не мог ничего сказать даже через переводчика, и дошел даже до того, что „шталас униженно поцеловать руку“ императора австрийского.

До чего не похоже это на того Петра, который уже через несколько дней устроит бал в той же самой Вене и с обычной развязностью и уверенностью в себе превратит этот бал в шумную и буйную оргию.

Впрочем, на поездках Петра за границу нам придется остановиться особо. Этой картины в нескольких словах не передать.

ГЛАВА II.

Если так мало похож внутренний облик Петра на то шаблонное представление о нем, какое дают официальные историки, — то так же мало похож на этот шаблон и внешний облик этого человека.

По описанию Полтавского боя у Пушкина, памяты строфы: „...Из шатра выходит Петр. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как Божия гроза“.

Надо признать, что подлинной точностью в этом описании отличаются лишь слова об „ужасном лике“. Ничего подобного той мужественной красоте, „гордому выражению лица“, „стройной и величавой фигуре“, какие увековечили художники, понимавшие, что „самодержцев всегда надо рисовать красивыми“, в действительности не было. Все современники говорят об уродливых гримасах, о судорожных подергиваниях, о дрожащей голове, о сгорбленной спине Петра. Резче всего сказывались судороги и подергивания. Эти болезненные признаки остро проявляются во все годы его жизни и становятся заметны у него уже в молодости, на двенадцатом году.

Нервные судороги, искажавшие лицо царя, болезненно сгорбленная фигура и трясущаяся голова — ярко отразились в представлении о нем современников („головой запрометывает и ногой запирается; нечистый дух, знамо, ломает“).

Время от времени судороги становились резче и омутильнее. Это было вестником грозного припадка ревматизма. Приближенные, чуя грозу, в таких случаях обычно вызывали Екатерину, которая брала голову Петра в руки, а массировала ее, пока Петр не заснул. Без этих предупредительных мер болезненные припадки разгрызались трагически, и Петр кидался с ножом на окружающих, не зная себя.

Огромным усилием воли Петр в ответственные минуты преодолевал, правда, приступы этой болезни, но мы знаем, что путем усилия воли, огромного напряжения всех сил, он успешно преодолевал и свою трусость. Хотя всю жизнь он предпочитал подготавливать и осуществлять войны у себя в кабинете, а ведение войны доверять своим генералам, — но во время Полтавской битвы, например, сумел взять на себя оборотную сторону своей робости, притвориться храбреем и не позволил изводу о том, что творится в его сложной и хаотической душе.

Даже такой исключительно вдумчивый и талантливейший историк, как В. О. Ключевский, говорит:

„Петр Великий по своему духовному складу был одним из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их“.

Это определение кажется совершенно некорректным, когда всматриваешься в то резкое противоречие, крайние противоположности, какими исполнена душа Петра. Силач, свершивший в трубку серебряные монеты и — беспомощный ребенок; лютый палач и — одинокий мечтатель; неумолимый издевательство циник и хам и — искренне религиозный человек; тугой обыватель и — гениальный провидец; великий трус и — решительный воин; все это вместе соединилось в этой сумбурной российской душе!

Когда историк М. Н. Коваленский попытался составить список специальностей Петра, реестр получился ошеломительный: „Царь сам переводил и печатал книги; изобретал шрифты; устанавливал для ткачей ширину холстов; требовал, чтобы пеньку на торг мокрую и с занозами не возили, а возили без лапок и сухую; хлеб, чтоб жали его серпами, а косами; по Неве чтоб ездили не на веслах, а на перу“.

так; печи чтоб в домах делались с фундамента и трубы шарошние, так, чтобы человеку пролезть можно было, а потолки с глиной, а не бревенчатые; чтобы все люди в церковь ходили и у ценовѣди бывали, и епископы упражнялись бы в богомыслии; чтоб коров, коз, свиней и других в Петербурге всякого чина люди без пастухов из своих дворов не выпускали, понеже опая скотина, ходя по улицам, дороги портит", и т. д. и т. д. и т. д.

До чего болезненно суетлив был этот человек! Лишенный выучки, не умеющий даже писать, как следует, он с порыву, с налету, нахрапом как-то кидается то на изучение геометрии, то на хореографию и танцевальное искусство, то учится играть на барабанах, то изучает навигацию, искусство готовить фейерверки, устройство ассамблей и маскарадов, тушение пожаров, столярное ремесло, хирургию, все вместе и ничто в отдельности захватывает, увлекает этого всегда куда-то сменяющего, капризного человека. Отрубить голову собственными руками и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада; при всех, в присутствии собравшихся на прием приближенных изнасиловать женщину и, как ни в чем не бывало — пойти в церковь и там петь на клиросе; убить собственного сына, и сразу же вслед за этим торопиться на веселый пир, все это для него обычно и естественно.

Он не знает различия между добром и злом. Все вместе, всего помногу валит он в общий котел. Там дальше видно будет. После разберем!

Где уж тут говорить о той „простоте“, какую определяет В. О. Ключевский. Буйная смесь резких противоречий — вот основное свойство психики Петра.

В детстве Петр был настолько хилым ребенком, что его еще в три года приходилось кормить грудью. Никаких признаков особых способностей в детские годы он не проявляет. Еще в 11 лет он не умеет ни читать, ни писать. Детские забавы Петра с потешными солдатиками вовсе не имели того серьезного значения, какое попытался им навазать впоследствии: это игра в солдатки и ничего больше.

Учиться Петр не желает.

В 16 лет он знает, правда, два порные правила арифметики, но писать как следует он так и не научился до конца дней своих. Когда приближенные Петра изложили Софью, Петру, как известно, пошел уже 18-ый год. Но ни малейшего интереса к делам государства он не проявляет. Русская политика после переворота 1689 года становится гораздо более реакционной, чем была при Софье. Петр ни во что не вмешивается. Вся жизнь страны течет по воле бояр, захвативших власть, помимо него. Помимо него издается указ, изгонявший иезуитов, помимо него мистик Кульман сожжен живым на Красной площади, по приказанию патриарха Иоакима, и т. д. и т. д. В июле 1690 года состоявший при дворе англичанин Гордон в письме в Лондон жалуется на то, что Петр не берет управления в свои руки, ничем не интересуется.

Петр „пользуется свободой“: он пляшует в доме Лофорта, в Немецкой Слободе, устраивает потасовки, в виде примерных сражений, забавляется фейерверками, которые на всю жизнь так и остаются его любимым занятием.

До чего несерьезны были еще и в эти годы военные забавы Петра, — видно из того, напр., что в маневрах 1692 года принимает участие „эскадрон карликов“. В маневрах 1694 года „команда церковных певчих“ сражается с „отрядом военных писарей“. Команда маневрами — передается дворцовому шуту Тургеневу. Это — бой „палулачки“, это — „стенка на стенку“, а вовсе не заботы о создании армии.

Ничего, кроме забав, Петра до 21 года не интересовало.

Жизнь, которую ведет Петр в эти годы, В. О. Ключевский определяет, как „жизнь бездомного бродячего студента“. Это определение, при всей своей яркости, неполно точно. Этот представитель богемы, и правда, никогда не бывает дома, но почует он каждый день в новом месте, не во имя любви к вольной волюшке, а во имя любви к оргиям, как же устраиваются у „министра пиров и увеселений“ Лефорта. „Соборает гостей 85 человек и никого не выпускает ранее, чем через три дня, — описывает эти празднества князь

Куракин:— Двери заперты на ключ для пьянства столь великого, что невозможно описать, и многим случалось от того умирать“.

Вечные праздники, бурные оргии, игра в кораблики... Петра „нельзя оторвать“ от шумной компании пьяных друзей, но только для докладов о делах государственных, но и для пяти-минутной аудиенции иностранным послам. Даже и излюбленным им морским забавам серьезного значения он не придавал, даже в те годы, когда он был уже в Голландии. Он шел в кабаках и грязных харчевнях с боцманами и шкиперами, заимствовал для России голландский морской флаг, красного, синего и белого цвета (как это ни грустно, но не только русский флаг, но даже и самовар, спокон-поку числящийся почему-то русским изобретением, привезен из Голландии). Серьезного отношения к морскому делу еще и в эти годы нет. Чины адмирала, вице-адмирала и контр-адмирала Петр раздает в этот период Ромодановскому, Вутурлину и Гордону, т. - е. людям, никогда в жизни моря не видавшим. Это игра, и только игра.

Не следует думать, что Немецкая Слобода и впрямь лаялась уголком, где жили культурные европейцы. В огромном, подавляющем большинстве здесь были отбросы европейского мира, авантюристы, прошедшие огонь, воду и медные трубы, которых жадность и жажда приключений привели в столицу северного царя.

Военные дела в этот период царя еще не интересуют. Воиры, которые правили страной, губили военное положение России всемерно. Татары на-голову разбили Голицына в перекопских степях и захватили целый ряд русских областей. Польша и Швеция все менее считаются с интересами России. Султан, вступая на престол и извещая об этом всех монархов Европы, не считает нужным послать извещение русскому царю.

Петру все еще не до государственных дел. Он все „путит“, все пьянствует и забавляется. Когда его попытка двинуться к Азову (первый азовский поход), заканчивается позорным провалом, он утешает себя составленьем и лично реляциями о вымышленных победах.

Только после азовского поражения, на 22-ом году жизни, падает тот период в жизни Петра, когда о нем можно говорить всерьез, как о человеке и правителе.

Петр не родился, а сделался крупным человеком. Трудно ответить на вопрос, как, каким образом произошло это превращение. Можно только внимательно всмотреться в события его жизни, ярко и выиукно отражающие решительную и переломную эпоху в жизни России. И в первую очередь надо всмотреться в поездки Петра за границу, переродившие и изменившие всю нехлику этого человека, а, кстати уж, и связанную с ним Россию, которую он с перелома, начавшагося на 22-ом году, и до самой смерти, никогда не рассматривал иначе, чем свое хозяйство, свою собственность и имущество.

ГЛАВА III.

— Ново, небывало! Русский царь отиражается за границу! По тем временам, план Петра отправиться и путешествовать по Европе казался изумительно смелым, небывалым. Русские летописи не знали ничего подобного.

Вообще, поездка за границу считалась в то время чем-то вроде измены. Какие буйные расправы вызывали даже попытки русских людей уехать на запад! Серьезная каря ожидали не только виновных, но и их родичей. Когда князь Хворостин, в царствование Михаила Федоровича, или Ордын-Нащokin, в царствование Алексея, оказались виноваты в этом грехе, эти грехонадеяния вызывали целую бурю.

Но если путешествия за границу считалось совершенно недопустимым для верноподданных, — то еще более преступной казалась эта идея в применении к царю. — Русский царь должен дома сидеть, а не по заграницам шататься! За последние 600 лет, от времен Изяслава, князя киевского, русская история не знала ни одного случая такого рода.

Именно этим, крайней необычностью путешествия, объясняется никогинто Петра, путешествовавшего под именем

„унтер-офицера Петра Михайлова“. Никто в России не должен был знать, что царь отлучился за границу. За разговоры об этом полагались нещадные батоги и пытки. Царь находится в Воронеже, — такова была официальная версия. За все время путешествия даже на письмах, отсылаемых из России царю, неизменно значилось: „передать унтер-офицеру Петру Михайлову“.

Мы видели уже, до чего непохож образ Петра, каким он рисуется из подлинных документов эпохи, на тот слащавый, выдуманный и приторный манекен, какой создали не в меру усердные официальные историки! Когда следишь за путешествием Петра по первоисточникам, убеждаешься в этом лишний раз, и делается совершенно понятным тот ужас и смятение, какое вызывал в европейцах того времени этот российский дикарь.

Отъезд Петра был назначен на февраль 1697 года. Отъезд несколько замедлился — открылся еще один очередной заговор. Слухи о поездке царя вызвали не только общее возмущение, но и попытки восстания. Надо браться за усмирение, за тонор и влаху. Но на этот раз Петр — свешит. Головы рубятся наспех, без того увлечения и азарта, с каким он, превзойдя Грозного, уничтожал сторонников Софьи, стрельцов. В этот период перед поездкой, казни интересуют его только количественно, а не качественно. Самому пытать подозреваемых, подвешивать их на дыбу и собственноручно отрубать головы, — на этот раз Петру не хочется. — Некогда, — за границу ехать пора.

10-го марта тронулись, наконец, в путь колымаги и рывалы. В свите „унтер-офицера Петра Михайлова“ — около 250 человек. С собой везут не только пажей, камердинеров, но и музыкантов, и шутов, и ювелиров... Ехать, так ехать...

Первым этапом явилась Швеция. Шведский губернатор в Риге, Дальберг, воспользовался тем, что царь путешествует инкогнито и, сказавшись больным, на приеме посольства не появился. В будущем мстительный Петр вспомнит это прогрешение и, объявляя войну Швеции, сошлется на это невнимание губернатора, как на

защитное оскорбление русского императора, делающее неизбежным открытие Россией военных действий. Как будто, предвидя это, уже и теперь, в этот приезд, Петр во время пребывания в Риге принимается собственноручно набрасывать план крепости. Шведским властям приходится вежливо, но твердо одернуть не в меру предаршимчивого гостя. — Шпионить, приехав в гости, никак не полагается.

Огромное большинство показаний современников останавливается раньше всего на жестоком пьянстве, какому предавался в путешествии Петр, выбирая для этого наиболее грязные харчевни и кабаки.

Представительства, в какой бы то ни было форме, он не выносит. Миндальничанья он терпеть не может. Когда курфюрст Бранденбургский выслал ему настрочку принца Гольштейн-Бекского, Петр наотрез отказался разговаривать с этим знатным посланником. — Ему приятнее и веселее с шуртовыми матросами и судомойками.

Когда придворный церемониймейстер, поэт и ученый Яков фон-Базель, утонченный царедворец, пытается устроить царя речью по всем правилам хорошего тона, Петр набрасывается на него и срывает с него пудреный парик.

Церемониймейстер в ужасе.

„Эдак не полагается, ваше величество“, — указывают царю. „А на кой лений он, церемониймейстер этот ну жеи?“ — Окружающие подробно объясняют, но внимательно выслушав объяснение, Петр заявляет: „Ах, вот как? Ну ладно. Пускай он мне довку приведет“.

В путешествии Петр, как известно, многому научился. Но даже и наиболее расположенные к царю историки не могут все же не остановиться на той дикой сцене скандалоз, какле затевает этот „знатный иностранец“ в датском городе. Знатные сановники, граф фон-Крейцен и судья фон-Шлакен от имени курфюрста приехали к Петру, но царь пьян. „Пошли вон, черти“, — любезно встречает он явившихся к нему представителей.

„Когда он выходил, бывало, на прогулку в Кенигсберге, все разбегалось в разные стороны“, — констатирует современник. Те, которые не успевали во-время удрать, нари-

даются на неприглядности. Некая придворная дама попалась на глаза знатному туристу. „Халыт“, кричит Петр громовым голосом и, „охватив ее“, добывает у нее из-за корсажа часы. Осведомившись, который час, он милостивым жестом отпускает фройляну и с громким хохотом идет дальше.

В Кенигсберге Петр заинтересован тем, как производится колесование. Этой детали еще нет в том обиходе, какни широко пользовался Петр у себя на родине, и любопытнейший царь во что бы то ни стало желает посмотреть на эту процедуру. Власти Кенигсберга извиняются: — в настоящее время нет, оказывается, ни одного преступника, заслужившего подобную кару. Петр возмущен. — Это еще что за вежливость? — Нет осужденного, так найти-то ведь можно.

Но кенигсбергские власти, как ни странно, стоят на своем твердо. Без повода, во имя одной любезности к гостям, они никого из своих сограждан колесовать не хотят.

Рассерженный Петр идет на компромиссы. „Ну ладно, возьмите кого-нибудь из моей свиты“. Какни удивительно, но и от этого предложения кенигсбергцы уклонились.

Такого рода черточки проявляются чуть не каждый день. Во время ужина у курфюрста один из слуг уронил тарелку. Петр, рассвиропев, тут же выхватывает шпагу и падает на несчастного. Жизнь слуги удалось спасти только шпильным обещанием, что его накажут плетью.

Характерная черта: во всех городах на пути Петр категорически отказывается останавливаться в тех апартаментах, какие для него заготовляются. В Гааге, напр., его привели в приготовленные для него специально нанятые апартаменты.

„Где я буду спать?“ — спрашивает Петр. Его вводят в роскошную комнату, с пышной и удобной кроватью. — Здесь, на этой кровати? Ни за что! Петр отправился на чердак, разыскал постель служанки и объявил: „Я тут хочу спать“.

Но уже через несколько минут Петр, оказывается, передумал. „Не хочу здесь жить, поеду в другое место“. В двенадцать часов ночи нашли коляску, и Петр уехал в Дюссел,

где поместился в посольство. Здесь снова прокипел разгово-
вор: „Где я буду спать?“ — и, снова отказавшись от чуждой и
удобной кровати, Петр обогает все закоулки, наконец, на-
ходит слугу, снующего в чулане на полочке и вилочком потк
сбрасывает его с места. „Вставай, вставай, почему, тут я
буду спать“.

Здесь пред нами не обычная причуда Петра, а нечто
более серьезное: у Петра было что-то вроде боязни про-
странства. Он не выносил, напр., высоких комнат, и
если уже не было никакой возможности найти для ночлега
никакого иного низенького помещения, он требовал устрой-
ства особого потолка из специально натянутого для этого
холста.

Так же болезненно не выносит Петр одиночества. Он
не может спать один. Если близ него нет Екатерины, или
какой-либо шпой из утешных жещиц, он кладет с собой
кого-либо из девицков. Даже укладывался спать днем, он
кладет голову на живот дежурного девицка. Горе поневе-
лившемуся и нарушившему покой Петра. Он избьет его в
кровь своей дубинкой. Но без этого живого тела по бли-
зости Петр не может заснуть ни на один час.

По пути в Голландию Петр категорически отказывается
остановиться в Берлине. „Город неприятный“, — решает
оп. Софья-Шарлотта Прусская проявляет интерес к его
приезду. В своих письмах к министру Фукеу в мае 1697 г.
она пишет: „Хотя я враг нечистоплотности, но на этот раз
любопытство берет верх. Мне бы хотелось, чтобы вы убе-
дили проехать здесь. Мы с удовольствием истратили бы для
такого случая то, что тратим на редких зверей“.

Министр Фуке постарался залучить „редкого зверя“ и
пригласил Петра в Коппенбрюгге, но как мы уже знаем,
„увидав пышное общество, какое ожидало его здесь, Петр
закрыв лицо руками и поспешно покинул селенье“. Когда
его пашли, пришлось потратить свыше часа на убеждение
вернуться. За ужином, — говорит историк, — он не знал, куда
девать салфетку, употребление которой ему было неизвес-
тно, ел весьма неовратно (без ножа и вилки это, и вилки,
трудно), но достаточное число бокалов рейнвейна настолько

развеселили царя, что после ужина Петр вместе со своими спутниками затевает танцы. Его спутники принимали корсеты за природное тело, и громко жаловались, что „у немецких женщин чертовски жесткие спины“.

Ярче всего привычки Петра сказались во время пребывания его в Саардамо. Официальные историки из кожи лезут вон, чтобы изобразить это пребывание, как сплошной подвиг, произведенный Петром во имя любви к науке и мореплаванью. Факты рисуют перед нами несколько иную картину. Здесь, в этом домике, где впоследствии, в 1814 году, Александр I приказал прибить в память пребывания Петра белую мраморную доску, здесь, где через несколько лет после этого поэт Жуковский написал на стене восторженные стихи, приветствующие „колыбель России“, — в дни пребывания Петра происходили, главным образом, оргии, безмерно пугавшие мирных голландцев. Какая-то трактирная служанка завоевала здесь сердце Петра и получила от него в вознаграждение за свои ласки 50 дукатов. Когда эту служанку саардамской харчевни заменила актриса Гросс, эта цифра оказалась весьма значительно пониженной. Бедная актриса попробовала было выразить недовольство скупостью Петра, но ответ его даже и в очень смягченном виде (полностью привести его невозможно) был таков: „За 300 пенни я нахожу людей, готовых преданно служить мне умом и сердцем. Эта же особа лишь посредственно служила мне тем, что может дать, а это и такой цены не стоит“.

Вообще нежность Петра принадлежала в гораздо большей мере мужчинам, чем представительницам прекрасного пола. Он не скрывал той роли, какую играли при нем Меньшиков, Ягужинский, Лефорт и мн. др.

Любопытная деталь более позднего быта: когда в недавние еще годы голландское правительство, в качестве репарации, уступило России „домик Петра Великого“ в Саардаме, русские власти немедленно же приступили к „хозяйственному ремонту“ домика и, вместо исторически памятных деталей, получился совершенно иной, запово-отстроенный дом. Устроили даже духовое отопление! Ценители старины

оказались разочарованными, но затеявшие ремонт были, очевидно, не в убытке.

Любопытна еще следующая деталь: домик, в котором жил Петр Великий, был уступлен ему некоей вдовой за плату в 7 флоринов, но плату эту, как оказывается, Петр „забыл заплатить“ и так и уехал. Бедная вдова горько плакала, но судиться со знатым иностранцем не рискнула.

Любознательность проявляет Петр в путешествии незаурядную. В Амстердаме, напр., Петр увидел на базарной площади толпу людей, окружавшую фельдшера, вырывавшего кому-то зуб. Царь немедленно же увлекся этим спортом, долго любовался искусством зубодера, потом увел его в ближайшую харчевню, угостил его и нанял своим преподавателем. После нескольких уроков Петр уже не разгадался с особым футляром, заключавшим хирургические инструменты, и с особым удовольствием вырывал зубы не только всем желавшим этого, но и не желавшим. Этим своим умением вырывать зубы Петр почему-то чрезвычайно гордился, без конца злоупотребляя им по возвращении в Россию не только в лечебных, но и в карательных целях. Он с гордостью сдал в купеткамору хранящийся в посылке в Петроградском музее целый мешок собственноручно вырванных им зубов.

Любовь Петра к хирургии не ограничивалась зубоочелечением: он неустанно требовал, чтобы его извещали о всех интересных операциях и, как бы ни был занят, находил время, чтобы явиться не только посмотреть работу хирургов, но и заменить их. В полной уверенности, что он все знает и все умеет, он брал на себя самые сложные операции. Если пациенты, как, напр., жена купца Борсте, после операции, произведенной Петром (вскрытие брюшной полости) умирали, то винить за это было некого, тем более, что Петр в таких случаях оказывал честь и присутствовал на похоронах.

Какая-то странная любовь к трупам, что-то вроде некрофилии, проявляется, наряду с этой любовью к хирургии, в разные годы жизни Петра. Мы видим впоследствии, как, приказав в своем присутствии казнить свою любовницу

Анну Моисе, Петр подымает отрубленную голову и впивается поделуем в мертвые губы.

Случай не единичен. В Утрехте, приехав к профессору анатомии Рихше, Петр, увидав в его анатомическом кабинете превосходно препарированный труп ребенка, кидается целовать этот препарат.— Вот как разделали, словно живой! Улыбается даже! В Лейдене, попав в анатомический театр доктора Весергава, Петр, любуясь трунами, усмотрел, что отдельные лица из его свиты выказывают отвращение к мертвым телам, Петр немедленно же приказывает всем членам свиты зубами перекусывать мускулы на трупе.

Среди следов, какие остались в Англии от пребывания там Петра, кроме царского портрета, повешенного вместо вывески на дверях той харчевни, которая в память постоянного посетителя так и стала называться „Царской“, любопытны официальные документы, удостоверенные судебным порядком, о тех разрушениях, какие были произведены Петром и его свитой в тех домах, какие они занимали.

Описание того, в каком виде остался в Донтфорде дом после трехмесячного жительства Петра, приводит в ужас. Картины на стенах прорваны, так как они служили мишенью для стрельбы. Вся мебель поломана, газоны в саду затоптаны, под 2 стены заплесаны.

Дом, принадлежавший генералу Джоу Эвелину, после пребывания в нем царя имел, оказывается, такой вид, как после татарского нашествия. Все двери и окна — сказано в удостоверении — выбиты или сожжены, картины, которыми пользовались для стрельбы в цель, прорваны или исчезли; рамы поломаны на куски. Сломанными и уничтоженными оказались не только кровати, столы, шкафы, но даже и коверги, железные решетки и т. п. Загубленными и сломанными оказались даже все деревья в саду. После отъезда высокопоставленного гостя английской казне пришлось по суду уплатить одному лишь Джоу Эвелину по счету его убытков 350 фунтов стерлингов. Гости, очевидно, не скужали.

В пути у Петра не хватило денег. „Пондержался в дороге“ русский царь. Он нашел тогда группу английских

капиталистов и экспромтом запродал ей монополию на русский табак за 48 тысяч рублей. Стоит вспомнить, что еще недавно, при Алексее Михайловиче, за курение табака отрезали нос, чтобы понять, что предприимчивость Петра была очень велика.

Еще ярче сказалась эта вот предприимчивость в области дипломатических переговоров Петра: он сумел, напр., пообещать католикам обратить Россию в католичество. Такие же обещания одновременно дает он и протестантам.

В Вене Петр устраивает бал для высшего венского общества и с гордостью пишет своему приятелю, Виллиусу, о том, что бал превратился в оргию со всеми оными, до свального греха включительно. „В день святых апостолов было у нас гостей мужского и женского пола больше тысячи человек, и были до света... из которых иные свадьбы в саду сыграли“.

Впрочем, что же говорить об этой первой поездке Петра за границу, если и следующие гораздо более поздние путешествия его отличаются все теми же специфическими особенностями. В 1711 году, в Дрездене, покидая гостиницу „Золотого Кольца“, он, несмотря на протесты администрации, собственноручно содрал все драпировки и украшения, присланные саксонским двором для временного украшения апартаментов царственного гостя.

В Дандиге в 1716 году, находясь в церкви, Петр почувствовал, что дует сквозняк. Ни слова не говоря, Петр протягивает руку, срывает парик с головы стоящего рядом с ним почтенного бургомистра и надевает на себя.

— Терпеть не могу ни в чем отказывать себе в дороге. Да и к чему? — резонно объясняют эту идейную позицию слова Хлестакова.

Петр и вообще-то очень любил заявлять себя оригиналом и чудаком. Но всего „оригинальнее“ оказывается поведение Петра именно в путешествиях: в Берлине в 1718 году, залюбовавшись коллекцией некрилических статуэток в музее, он не только потребовал от короля, чтобы эта коллекция ему была немедленно подарена, но еще и сделал бурную сцену своей жене, требуя, чтобы она здесь же, при всех,

пероцеловала эти украшения. — Голову оторву! — кричит он понытавшейей отказаться Екатерине и на радость окружающих добивается исполнения ею своего требования.

Того же жанра держится Петр и по приезде в Копенгаген. В час ночи он требует, чтобы ему открыли естественно-исторический музей. На горе хранителя музея, ему поправилась здесь мумия, и он сразу же заявил требование, чтобы эту мумию ему подарили. Королевский инспектор обещал довести об этом желании гостя до сведения своего повелителя, и Петр, успокоившись, отправился было спать. Но когда ответ, полученный от короля, оказался отрицательным: „Мумия отличается особенной величиной и красотой, другой подобной нет“ — Петр снова отправляется в музей, отрывает у мумии нос, в нескольких местах прокалывает ее и, изуродовав бедную мумию до неузнаваемости, весело заявляет: „Пусть теперь у вас остается“. Любопытно, что стираваясь в Париж, этот решительный мужчина совершенно потерял обычную твердость характера. Обычно он разъезжал в эти годы с Екатериной, но в Париж он не рискует ее брать, считая неудобным показывать ее и этой стране, которой и сам побаивается. Его мечта — выдать свою дочь, Елисавету, за малолетняго Людовика XV, и он хочет показаться с лучшей стороны. Именно, поэтому, желая подчеркнуть свою важность, он уже по-пути к Парижу, устраивает целый ряд скандалов. Бедный агент Де-Лебуа в отчаянии. Денег, отпущенных ему французским правительством (полторы тысячи ливров в день) ни каким образом не хватает для удовлетворения претензий Петра и его свиты. „Царь, хотя и обнаруживает зачатки доблести, но в весьма диком состоянии“, жалуется Де-Лебуа, докладывая, что царь поглощает невероятное количество анисовой водки, пива, вина и всевозможной оды. „Это обжора и ворчун“, — пишет он, не выдерживая тона.

Денег на обжорство и пьянство трагически не хватало, и бедный Лебуа горько жаловался, пока не добился инструкции из Версаля: „В расходах не следует стесняться, лишь бы царь остался доволен“. Но и деньги не помогли горю и не исправили отношений. Царь и вся свита сочли, напр.,

требованием хорошего тона выразить претензию против поданных им экипажей.— „В этаких катафалках русские дворяне отродись не ездят!“ Экипажи переменяли, но Петр снова заупрямился. „Не хочу кареты, желаю двуколку, как у меня в Петербурге заведено“.

В Кале навстречу царю на помощь Лебуа прибыл маркиз де-Машпель. Он приготовил было длинную и цветистую речь для приветствования гостя, но Петр отмахнулся и не пожелал слушать, а когда удивленный маркиз попытался сесть в экипаж рядом с Петром, он немедленно получил от царя по „морде“.

Маркиза удалось убедить, что на этих русских варваров не следует обижаться, что интересы дорогого отечества требуют установления добрых отношений с могущественным монархом северной державы. Маркиз самоотверженно снова отправился с визитом, но приема не добился: на этот раз вся свита Петра без исключения оказалась мертвецки пьяна. „Наступила русская паша“ — объяснили смущенному маркизу.

Пьянство продолжалось долго, и испуганный маркиз не мог никак добиться, чтобы посольство дипломулось, наконец, по пути к Парижу. На этот раз Петр заартачился по-иному: вместо двуколки он потребовал, чтобы ему устроили паланкин, особые посылки, которые можно прикрепить к седельной лошади. „Я желал бы от всего сердца, чтобы он прибыл в Париж и даже оттуда уж выехал“ — пишет маркиз в официальном донесении. „Когда его величество король увидит этого гостя, я убежден, что королю будет приятно от него избавиться“. Наконец, 10-го мая, царь торжественно въехал в Париж. Для него были приготовлены апартаменты в Лувре, а для размещения свиты государя отвели залу заседаний французской академии. Апартаменты были роскошно украшены. „Специально озаботились даже осветить позолоту и картины. Для царя приготовили „самую богатую и великолепную на свете кровать“, сервировали роскошный стол. Но, как бы браваду, Петр, явившись сюда, ограничился тем, что потребовал кусок хлеба и редиски, выпил пива, приказал потушить свечи — „Очень

уж много жжете", — заявил он: — „Нет, я тут жить не буду“, — и ушел в гостиницу.

В гостинице Петр засел безвыходно. Подвижной, шумный и суетливый человек, он насильственно выдерживает себя в добровольном заключении. Он желает, чтобы французский король первым явился к нему с визитом. До этого он никуда шагу не сделает.

В прежние свои поездки Петр держался совершенно иной тактики. В Берлине в 1712 году он, сразу же по приезде, отправляется во дворец и застаёт короля еще в постели. В Копенгагене он силою приваляется к Фридриху IV, разбросав царедворцев, пытавшихся удержать его, ввиду необычно раннего часа визита. Но в Париже... О, Париж, — это дело другое. Здесь Петр желает проявить обращение самое тонкое. „Знаем, мол, порядки, сами великой ногой сморнаемся“.

Тщетно пытаются разьяснить Петру, что, именно, он, гость, должен нанести первый визит. Он знать ничего не хочет, сидит в гостинице и ждет.

Тщетно приезжает регент от имени короля и через переводчика (по-французски Петр не знает ни одного слова) убеждает его, что проезд регента, посланного королем, вполне заменяет визит самого короля. Петр неумолим. „Желаю, чтобы король“.

На пятый день французское правительство уступило и малолетний Лувис прїехал. Несмотря на свои семь лет, он „не испугался русского царя“, — восторженно описывают современники. На следующий день Петр отдал визит и, в великому изумлению парижан, стал, наконец показываться на улицах. Его кафтан немедленно же вошел в моду у парижан под именем „одежды дикаря“. Когда ему лучший парижский парикмахер торжественно преподносит шедевр своей работы — чудесный парик, Петр хватается за ножницы и отхватывает большой кусок спереди. „Так красивше будет“.

Церемониймейстеры, приставленные к царю, в ужасе. Царь то и дело пропадает из их глаз, уходит шататься по закоулкам, никого не предупредив, при чем демонстративно

требованием хорошего тона выразить претензию против поданных им экипажей.— „В этаких катафалках русские дворяне отродясь не ездят!“ Экипажи переменили, но Петр снова заупрямился. „Не хочу кареты, желаю двуколку, как у меня в Петербурге заведено“.

В Кале навстречу царю на помощь Лебуа прибыл маркиз де-Машпель. Он приготовил было длинную и цветистую речь для приветствования гостя, но Петр отмахнулся и не пожелал слушать, а когда удивленный маркиз попытался сесть в экипаж рядом с Петром, он немедленно получил от царя по „морде“.

Маркиза удалось убедить, что на этих русских варваров не следует обижаться, что интересы дорогого отечества требуют установления добрых отношений с могущественным монархом северной державы. Маркиз самоотверженно снова отправился с визитом, но приема не добился: на этот раз вся свита Петра без исключения оказалась мертвечки пьина. „Наступила русская пашка“ — объяснили смущенному маркизу.

Пьянство продолжалось долго, и испуганный маркиз не мог никак добиться, чтобы посольство двинулось, наконец, по пути к Парижу. На этот раз Петр заартачился по-иному: вместо двуколки он потребовал, чтобы ему устроили паланкин, особые посылки, которые можно прикрепить к спине лошади. „Я желал бы от всего сердца, чтобы он прибыл в Париж и даже оттуда уж выехал“ — пишет маркиз в официальном дописании. „Когда его величество король увидит этого гостя, я убежден, что королю будет приятно от него избавиться“. Наконец, 10-го мая, царь торжественно въехал в Париж. Для него были приготовлены апартаменты в Лувре, а для размещения свиты государя отвели залу заседаний французской академии. Апартаменты были роскошно украшены. „Специально озаботились даже осветить позолоту и картины. Для царя приготовили „самую богатую и великолепную на свете кровать“, сервировали роскошный стол. Но, как бы бравируя, Петр, явившись сюда, ограничился тем, что потребовал кусок хлеба и редиски, выпил пива, приказал потушить свечи — „Очень

уж много жжете", — заявил он: — „Нет, я тут жить не буду", — и ушел в гостиницу.

В гостинице Петр засел безвыходно. Подвижной, шумный и суетливый человек, он насильственно выдерживает себя в добровольном заключении. Он желает, чтобы французский король первым явился к нему с визитом. До этого он никуда шагу не сделает.

В прежние свои поездки Петр держался совершенно иной тактики. В Берлине в 1712 году он, сразу же по приезде, отправляется во дворец и застаёт короля еще в постели. В Копенгагене он силой врывается к Фридриху IV, разбросав царедворцев, пытавшихся удержать его, ввиду необычно раннего часа визита. Но в Париже... О, Париж, — это дело другое. Здесь Петр желает проявить обращение самое тонкое. „Знаем, мол, порядки, сами не зелою ногой сморкаемся".

Тщетно пытаются разъяснить Петру, что, именно, он, гость, должен нанести первый визит. Он знать ничего не хочет, сидит в гостинице и ждет.

Тщетно приезжает регент от имени короля и через переводчика (по-французски Петр не знает ни одного слова) убеждает его, что приезд регента, посланного королем, вполне заменит визит самого короля. Петр неумолим. „Желаю, чтобы король".

На пятый день французское правительство уступило и малолетний Людовик приехал. Несмотря на свои семь лет, он „не испугался русского царя", — восторженно описывают современники. На следующий день Петр отдал визит и, в великому изумлению парижан, стал, наконец показываться на улицах. Его кафтан немедленно же вошел в моду у парижан под именем „одежды дикаря". Когда ему лучший парижский парикмахер торжественно преподносит шедевр своей работы — чудесный парик, Петр хватается за волосы и отхватывает большой кусок спереди. „Так красивые будут".

Церемониймейстеры, приставленные к царю, в ужасе. Царь то и дело пропадает из их глаз, уходит шататься по лавкам, никого не предупредив, при чем демонстративно

садится в первую попавшуюся карету, предоставили собственникам возвращаться домой пешком.

Когда 14-го мая Петра пригласили на торжественный спектакль в оперу, Петр, явившись в отведенную ему ложу, с первого же слова громко заявляет басом: „Мне нравя бы“. Растерявшийся регент лично приносит на подносе пиво, и Петр, вытянувшись во весь рост у барьера, не сменяя инокрякивая, пьет кружку за кружкой, оставши поднос в руках регента.

С принцами и с принцессами крови Петр ведет себя демонстративно грубо. Герцогиня де-Роган, возмечтаника очаровать Петра, наслушалась от него таких вещей, что ушла в слезах. В Академию Наук он присылает письмо на русском языке, и по отзывам современников, „повсюду ведет себя с видом безусловного превосходства“. Эта неумеренная гордость по мощаст ему предаваться совершенно нелепому мальчишеству и пьяному разгулу. В Трианоне он, забавляясь, задил водой фонтанов весь парк и публицу. В Версаль он притащил с собой, к великому смутению окружающих, какую-то публичную женщину, а в Марли в антикратаментах г-жи де-Ментенон он считает возможным уйти от хозяев и гостей и запереться в спальне хозяйки в покой приведенной им с улицы дамой.

„Этот чудак рожден быть бодманом на голландском корабле“, — пишет Вольтер, почти дословно повторив мнение, высказанное за 20 лет до того Бернотом во время пребывания царя в Лондоне.

ГЛАВА V.

В чем сущность, в чем первооснова забалмошной, бодтолковой стихийной и огромной фигуры Петра? Любил ли что-либо по-настоящему этот дикарь, стремившийся к просвещению, этот пьяница и развратник, желавший изправить нравы в России, этот палач и сыноубийца, издававший законы, этот сифилитик и подераст, некропие веравшей, что он стоит на страже доброй нравственности?

По первому впечатлению, он любил Россию, правда своеобразной любовью хозяина, собственника и крепостника, тупой и звериной любовью инстинкта, но все же любил. Чахотка же он время среди невероятных кутежей, чтобы приматься кораблестроению, умел же он во время своих изгубленных путешествий учиться кое-каким западным порядкам, умел же он, преодолевая огромную природную трудность, появляться под неприятельским огнем во время Полтавского боя. Умел же он, наконец, заполнить свою оголенную, жестокую и пьяную жизнь какими-то неотступными заботами о державе российской.

По первому впечатлению, эта вот держава—это и есть святое святых в жизни Петра. Лишняя тысяча замученных пытками, лишняя десяток тысяч казненных, лишняя сотня тысяч погибших в войнах и на постройке новой столицы на топком болоте,— только бы „державе нашей“ была польза, а „кровь смывается легко, еще легче чем грязь“.

„А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога, была бы только Россия во славе и благоденствии“.

Но это вот обманчиво, при внимательном изучении загадочной фигуры Петра, кажется неполным и неудовлетворительным. Как ни розко, даже уродливо, выпячивается, колом стоит мысль и работа о державе российской во все периоды жизни Петра, но и здесь, оказывается, проявляется в душе Петра все та же изумительная, вопстину дьявольская ирония, кощунственная насмешка, силовное хихиканье и издевательство. Ничего нет святого, ничего нет серьезного на земле! Все окружающее только „маскирад“, глумливо хихикающие хари и личины.

Когда всматриваешься в интимное существо этого человека, неизменно видишь колпак скомороха рядом с царской короной, клоунскую маску на суровом лице. Ценил ли он свое царское звание? Достаточно было малейшей ошибки в титуле царя, чтобы повешенный в таком грехе оказался на дыбе или под батожем, с вырванными поздравия был заточен в тюрьму, или отослан в далекую Сибирь, если бы не потерял головы на плахе. Но наряду с этим царь назначает Федора Ромодановского „петербургским королем“, и долгие годы

всамолично именует его „ваше величество“, и в особой блестящей короне, верхом на свинье, торжественно возит его по улицам столицы.

Всешутейший кесарь, король, которому Петр в течении ряда лет смиренно подает царские почести, становится во фронт и почтительно рапортует. Это не кто иной, как министр кнута и пыточного застенка, начальник розыскного Преображенского приказа, Ромодановский. „Собой идом, как монстра, правом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни“—таков портрет его по запискам современника.

Чтил ли Петр основы религии? Жесточайшими мерами внушается народу религиозность, но в то же время Зотову присваивается всецарский титул „архиепископа петербургскаго, патриарха берегов Яузы и всей Немецкия Слободы“, а Тихона Стрешнева возводит в сан „ваши римского“, и долгие годы именуют его не иначе, как „ваше святайшество“, „святайший отец, а старого пьяницу, вселого развратника Музына-Пушкина торжественно кунают в водку и пиво и нарекают его „митрополитом киевским“.

Устав „Всешутейшего собора“ разработан очень строго. и „служение Бахусу, путем честного обхождения с крепкими напитками“ требовало особых обрядов, облачений, молитвословий и песнопений. Первейшей заповедью ордена, обязательной для всех чинов этой пьяной иерархии, было: „напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвым“.

Есть что-то болезненное в том странном упорстве, с каким Петр цепко держится за весь этот всешутейший ритуал. Маскарадному „петербургскому королю“ Ромодановскому присвоены все царские почести: обо всех делах Петр пишет ему доклады, подписываясь „пьянший услужник вашего пресветлаго величества Петрушка Алексеев“. Но вот Ромодановский умер. Петр все же продолжает эту странную забаву. И после смерти Федора Ромодановскаго Петр настаивает на том, чтобы титул и все привилегии этого выдуманнаго королевства перешли полностью по наследству к его сыну Ивану Ромодановскому. И служатся особые патриаршие служения „на комер первый с водкой“, на комер

третий с рейвейном". И в самые торжественные моменты царствования неизменно заботится Петр о той или иной, не столько забавной, сколько издевательской маскере.

При праздновании в Москве Полтавской победы в 1709 г., строится на Царицыном лугу особый "деревянный дворец". На империальном троне восседает "его величество" все тот же, запяченных дел мастер Ромодановский. Шереметев, Меншиков и сам Петр стоят на вытяжку, торжественно рапортовуют его кесарскому величеству, всешутейшему царю, о своих победах. К стопам этого кесарского величества приводит изумленных, ничего не понимающих шведских пленных.

Такого рода дявольские, самонасмешливые построения неразлучны с Петром во все время его царствования. В 1698 году, по возвращении из первой поездки за границу, он, после долгой и серьезной подготовки, устраивает дикое карнавальное шествие по улицам столицы. Впереди — в патриаршем облачении Зотов, на огромной митре которого нарисована непристойная фигура, изображающая Бахуса. За ним оголтелая толпа пьяных "вакханок", на головах которых, вместо гроздьев винограда, пачки зажженного табаку.

В этом же году, в самый день казни ста пятидесяти стрельцов, Петр зовет обедать явившегося на прощальную аудиенцию бранденбургского посла и разыгрывает сложную сцену инсценировки: за обедом присутствует в полном облачении, с престолом и евангелием в руках, патриарх. Но только что посол настроился молитвенно, как оказывается, что патриарх — поддельный, что евангелие в его руках — это искусно сделанная фляга с водкой, что крест представляет собой лишь периллич. — символы, и роль патриарха только в том, чтобы начать дикую пляску в пьяной толпе.

— Митька, пляши!

Царское звание, патриарший сан, евангелие и крест — все это для кабака, для лунария.

— Ходи веселей!

Это издевательство над самим собой и над всеми окружающими не случайно проявилось в эти годы.

Через двадцать лет на улицах столицы повторается все та же дикая картина. Пьяное братство, называвшееся „Бес-печальным собором“, занимавшееся организованным пьянством и оргиями, и теперь вместе с царем устраивает все тот же бесшабашный карнавал. Гурьба людей в самых невероятных и непристойных костюмах, с царем во главе, движется по улицам столицы. Рядом с гордостью процессии, неким матросом, умевшим шагать на руках, головой вниз, рядом с пьяницами со дна, идет вся знать, духовенство и высшее офицерство. Здесь все приближенные царя, в том числе и царский духовник Над-ждинский.

Обязательное веселье из-под палки было тягостно. Тысячи масок обязаны были пить и плясать целую неделю. За уклонение полагался крупный штраф. Пока не вернутся все без исключения, пока старший генерал-адмирал, дряхлый Апраксин не начнет плакать-разливать горячими слезами о том, что он остался на старости лет круглым сиротой, без отца—без матери, пока светлейший князь Меншиков не упадет в обморок, до тех пор ходит и ходят по летнему саду гвардейцы с ушатами сивухи. У запертых ворот приставлена стража, строго-на-строго следящая за тем, чтобы никто не смел уйти. Гвардейцы огромными кружками поят сивухой гостей. Уклониться никому, даже дамам, не разрешается. Все должно „себя держать раз-двю“. Молчать не разрешается, полагается поддерживать разговор. Но, когда на одном из таких праздников пьяный иноземный артиллерийский офицер вздумал что-то доложить царю по своей специальности, с чем Петр был не согласен, Петр, не дослушав, плюнул в лицо собеседнику, и отправился разговаривать с другими.

Отказываться от участия в забавах Петр не позволял никому. Когда в 1725 году восьмидесятилетний родомитый Матвей Головин попытался было уклониться от участия в процессии, считая невозможным надеть назначенный костюм чорта,—старика, по приказу Петра, раздели донага надели на него шапку с картошными рогами и в таком виде выдержали его на льду, на Неве. Старик схватил горячку и умер.

Быть-может, пред нами просто своеобразная манера развлекаться буйного царя? Был ведь у Петра целый штат „дураков“ и шутов. В этом списке придворных увеселятелей, наряду со знаменитым Балакиревым, имеется и некий еврей, португалец Дакоста, которого царь в 1713 году не только произвел в графы, но еще и сдолол его ханом самоедов. По этому случаю был устроен даже целый ряд празднеств и шутовских церемоний, для которых специально доставлялись настоящие самоеды из далекой Сибири. Мало ли какие развлечения привлекали царя. Любил же Петр ходить на Рождество по домам обывателей с толпой славильщиков и совершенно серьезно собирать подачки. Любил же царь драться на кулачки и даже смеленно терпеть в тех случаях, когда один из противников, любимый повар Екатерины, оказывался сильнее и успевал „изложить по первочелу императору“.

Петр очень любил всяческие развлечения, но что-то бодротное, какой-то глубокий надрыв чувствуется в этой издевательской страсти к насмешке над самим собой и над своими собственными свитскими.

Французский посланник Камбрэдон в своей депеше от 14 го марта 1721 года говорит: „Патриарх — это записной ашанин, избранный царем, чтобы выставить на посмешище свое духовенство. Выставляя рядом с этим самозванным патриархом еще и самозванного кесаря Ромодановского Петр всемерно старается выставить на посмешище, испозорить и унижить и царский титул, царское звание, т.-е. то единственное на земле, что он считал, как-будто, ценным и важным.“

До чего последователен в этом сумбурный, во всем остальном Петри! Ему недостаточно шутовским образом отпраздновать заключенно Ништадтского мира, о котором он мечтал столько лет, во имя которого он пролил столько крови. Ему недостаточно целой серии шутовских свадоб и шутовских похорон. Он доходит до того, что в 1724 году, во время маскарата, длившегося восемь дней, приказывает сенаторам не снимать масок даже в зале заседаний сената во время рассмотрения важнейших государственных дел.

Петр никоим образом не хочет, чтобы это болезненное шутство его было хоть какой-нибудь чертой отделено от действительной жизни и государственной деятельности. Зотов, исполняя роль всепьянейшего патриарха, одновременно назначается хранителем государственной печати. Иван Головин, ничего не понимавший в мореплавании, на основании всех своих всешутейших заслуг, назначается генерал-адмиралом русского флота.

Обычай, установившийся с тех пор, как патриархом явился Филарет, отец царя Михаила Федоровича, требовал, чтобы в вербное воскресенье царь и патриарх одновременно показывались народу в торжественной процессии. Петр оставляет эту традиционную процессию, но сводит ее к кощунственным, издевательским формам. Всешутейший князь-папа появляется в процессии верхом на быке. За ним — пьяная гурьба, на повозках, запряженных свиньями, козлами и медведями.

Петру не достаточно иметь папу, он заботится о создании особого „конклава пьяниц“.

Написав собственноручно особый регламент, он из года в год совершенствует его, дополняет и расширяет и, характерно, именно этой работой занят он, напр., накануне Полтавской битвы.

Наряду с горячайшими пьяницами в члены всешутейшего собора назначаются наиболее серьезные и строгие государственные деятели эпохи. Все назначенные обязаны были собираться в дом князя-папы, прозванный Ватиканом, для обряда торжественного представления, при котором церемониймейстерами служили четверо запк. Разряженные в ярком плагья, все члены всепьянейшего собора отирались отсюда в зал особой консистории, где происходили оргии с шутовскими выходками. Отсюда пьяной гурьбой все отправлялись процессией, имея во главе князя-папу, верхом на бочке, запряженной четырьмя волами, — в конклав. Вокруг толпились шутовские монахи. Сам царь руководил шествием в костюме голландского матроса.

Конклав происходил непрерывно в течение трех суток. Главное украшение конклава — это бочки, наполненные ви-

Когда в 1717 году князь-папа Зотов умер, Петр долго работает над составлением нового регламента. Непристойно подробности делают многие пункты невозможными в передаче. Не будут напечатаны ни при каком режиме, — говорит В. О. Ключевский.

В эти именно дни Петр ждет возвращения непокорного сына Алексея и готовит для него пытки и казнь. Но это первое ожидание ничуть не мешает Петру со всею серьезностью подыскивать заместителя нового всеиудейшего патриарха на место скончавшегося Зотова. Кандидат—Петр Иванович Вутуралик—до сих пор носил звание „архиепископа Петербургского“, в „свиряхи пьяниц, презор и дураков“. Петр избрал нового папу, берет на себя лично роль протодиакона конклава. Избирательные записки все члены конклава получают из рук княгини-игуменьи. Этот пост занимала ранее Ижевская, добрая и аскетичная по отзывам современников, всегда уважаемая баба. Затем ее заменила княгиня Анастасия Голицына. Эта Голицына в течение многих лет считалась ближайшим другом Петра. Он называл ее своей сестрой, но, заодно и в дружеских чувствах к своему сыну Алексею, Петр приказал отстегать ее плетью во дворе Преображенского приказа. Чтобы вернуть себе милость царя, княгиня Голицына и взяла на себя выигранную роль княгини-игуменьи в конклаве.

По ритуалу Петра все члены конклава должны получать избирательные записки из рук княгини-игуменьи, целуя при этом ее груди. Самые записки изображались яйцами. Впрочем, сама процедура выборов, по своей непристойности, совершенно не допускает передачи.

Петр Великий относится к заседаниям конклава с какой-то болезненной, мрачной серьезностью. Уже в те дни, когда царевич Алексей изнемогал под пытками в тюрьме и готовился к смерти от руки отца, Петр продолжает пиры с новым патриархом. Унизительные картины пьянства, связанные с римским способом опорожнения желудка для все новых и новых возлияний, продолжают с какой-то исключительной, подчеркнутой серьезностью.

Новый папа, по случаю смерти Зотова, уже избран. Но царю этого мало, Петр надумал женить заместителя, нового

патриарха — папу на вдове Зотова, Аине Паниной. Убор процессии и торжественные празднества. Конфузия и ере-
фапация оказываются еще ярче, еще изумительнее. И сто-
я для новобратных после свадьбы Бутуранина устраивается
в пирамиде, воздвигнутой в память победы над жидовщи-
на площади, против Сената. Молодых заставляют пить
стаканов, самая форма которых представляет собой и есть
непристойности, и, мертвецки напоив, молодых торжественно
всей гурьбой ведут к памятнику и укладывают в гробницы.
Через специальные отверстия, устроенные в стенах пира-
миды, толпе верноподданных дают возможность любоваться
свообразными картинами.— Ходи весело! Митька, выходи!

Не пересчитать, но перечислить все новых и новых
примеров болезненной склонности к издевательствам над
всем в мире, к издевательствам над самим-собой, которые
выполнены все годы жизни и царствования Петра.

Мы видели в пыльной толпе участников сурового
исповедника Надеждинского. Этому духовнику принадлежали
омерзительные роли в заседаниях всешутейшего собора, на-
ряду с этим Петр сохраняет какую-то религиозность,
простаивает долгие часы на молитве в церкви и перед
исповедуется перед тем же Надеждинским. Выходя от собора
он целует его руку, а через несколько минут после этого
щелкает его по носу, заставляет его пить до одурения
и весело смеется, видя его валяющимся в состоянии
виде под диваном. На завтра он снова будет вынужден
стоять перед этим же Надеждинским и благоговейно целу-
вать его руку...

Широкая, очень широкая загадочная душа бывшего
русского царя!

Как случилось, что династия Романовых рождена Петром
Великим в частности и особенно, не привлекая к себе
пристального внимания врачей-психиатров? Не только
историк-социолог, но, именно, доктор медицины, специализиру-
ющийся по душевным болезням, должен бы в первую очередь уде-
лить пристальное внимание той потрясающей картине,
какую в течение 300 лет являет собой резко вырождаю-
щийся род Романовых!

Если так трудно определить, относился ли Петр к чему бы то ни было на свете, к церкви, религии, державе Российской, с подлинным человеческим уважением, то, быть может, легче ответить на вопрос: любил ли он кого-либо? Увы, ответить на этот вопрос еще тяжелее. Окружающих его сановников он презирал от всей души и не случайно так часто и щедро поколачивал их своей знаменитой дубинкой. Презирая всю родовитую знать своего времени, он находил особое злое удовольствие в том, чтобы на первые посты в государстве выдвигать кучеров, пирожников, лакеев. Но горе было не в отдельных людях, а во всем строе, и эта замена, в сущности, положения не изменяла. В 1722 году посол Кампредон в своем письме к кардиналу Дюбуа с отчаянием пишет, что без крупных денежных сумм для раздачи русским сановникам никаких государственных переговоров с Россией вести никак невозможно. Когда царь заявил однажды, что он хочет повесить всех казнокрадов, его любимец Ягужинский ответил исторической фразой: „Стало-быть ваше величество хочет остаться без подданных“.

Чем больше было глубокое презрение Петра к жадной толпе придворных, тем естественнее было бы думать, что весь жар своего сердца он отдаст женщинам, что подливая человеческая любовь как-то прояснит его хмурые и загадочные черты.

Но женщины, одной, определенной, единственной, хотя бы на один день, на один час, — Петр не знал в течение всей своей жизни. Он знал только женщины, огромную толпу лишённых индивидуальности представительниц женского пола, которых брал то силой, то за деньги, наспех, не обращая внимания на каждую в отдельности.

Современники, описывающие пребывание Петра в Берлине в 1718 году, указывают, что при царице находилось около 400 „так-называемых дам“. Наряду с представительницами родовитой русской знати, — здесь были немецкие служанки, исполнявшие обязанности горничных, прачек, кутарок. Почти все эти особы, — говорит с изумлением

застопион, — держали на руках богато разряженных детей, и на вопрос, чьи это дети, отвечали, по ритуалу кланяясь в пояс: „Царь почтил меня“.

Наиболее прочной привязанностью Петра была, как известно, Екатерина. Прежняя жена, Евдокия Лоухина была, как известно, отправлена в монастырь, по и отношения его с Екатериной так и остаются убогими, какими то примитивными. За первое любовное свидание с этой будущей женой своей он заплатил Екатерине один дукат. Вообще же он расценивал женские объятия весьма дешево и заявлял, что платить надо „по одной копейке за три объятия“.

Екатерина, крестьянская дочь, рано оставшаяся сиротой, во время войны со Швецией в 1702 году оказалась беженкой. Ее бурная молодость после ряда скитаний привела ее к роли „солдатской жены“ при русской армии. В то время она не носила еще имени Екатерины. Первое известие о ней относится к ее пребыванию в 17 лет от роду в Мариенбурге в Лифляндии в услужении у пастора Глюка. Здесь эта католичка перешла в лютеранство. Азбуке она не училась, и даже впоследствии, оказавшись на престоле российском самодержавной императрицей всей России, она успела научиться только подписывать свое имя.

Юность Екатерины протекла исключительно бурно. От своего любовника, некоего унтер-офицера, который был ее смертным боем, она переходит к случайно увидевшему ее в толпе солдат Шереметьеву.

После новых и новых перемен она переходит к Меншикову, в доме которого оказывается прачкой, „портмошей“. Краткая благосклонность Меншикова дала ей возможность привариться. Здесь, в доме Меншикова, ее и увидел впервые Петр. Хорошенькая женщина, в кокетливом фартучке, стоявшая на подоконнике и поретившая оконные стекла, заинтересовала царя.

Петр был, как известно, связан с Меншиковыми, как впоследствии и с Ягужинским, и с Лефортом и многими другими, но скрываемыми им узами однополкой любви. В первое время после того, как Петр впервые увидел

Екатерину и заплатил ей первый дукат из средств казначейства Российского (в дальнейшем эта женщина обойдется России несравненно дороже!), Петр и Меншиков являются одновременно любовниками Екатерины. Эта деталь отнюдь не противоречит правам, прочно установившимся вокруг Петра. Так же точно, как любовью Екатерины, Петр делился с Меншиковым любовью и многих пылх фавориток тех дней, двух сестер девиц Арсеньевых и др.

Уже и после того, как Екатерина обратила на себя более серьезное внимание Петра и перешла в его „жепский терем“, она живет там с целым рядом других героинь, находящихся в том же положении. Но Екатерина умеет привязать к себе Петра. Через несколько лет в 1708 году, когда у Екатерины было уже двое детей от Петра, он, уезжая из Москвы, оставляет Меншикову записку: „Ежели что случится, волею Божью — выдать Катерино Васильевне 3.000 рублей“. О возможности брака с ней, матерью его детей, он в то время еще и не помышляет.

Но Екатерина умеет сделаться все более и более необходимой парю. С 1709 года она не покидает его, ездит с ним и в Польшу, и в Германию, и во время похода на Прут.

В 1711 году произошла известная история с Петром, когда русская армия на берегах молдавской реки была окружена турками и татарами, и Петр, как мы уже видели, мог быть захвачен в плен. Мы знаем уже о том, каким образом Петру посчастливилось выпутаться из этого положения, как Екатерине, при помощи генерала Шафирова, удалось добиться, чтобы Петр остался на свободе, чтобы великий визирь, так и не разобравши, как будто, какой огромный козырь оказался в их руках в военной игре с Россией, — взял взятку от Екатерины (по некоторым источникам, не только бриллиантами, но и натурой), и, махнув рукой, отпустил Петра с миром.

По всему, что мы знаем о характере Петра, трудно предположить, чтобы последовавшая в дальнейшем его женитьба на Екатерине была вызвана благодарностью за спасение. Верности и неизменности Петр не знал. Он всегда зависел от настроения данной минуты, и все это

бабам Петра знали, что и наибольшая благосклонность, проявленная сегодня, ничуть не спасает приближенного от перспективы батога и пыток, а не то и смертной казни на завтра. Вероятнее шес. Бывшая прачка, портомой, оказалась действительно незаменимым товарищем. Она „походная жена“ по бошлаь никаких изытаний. Она вместе с Петром совершает походы, спит на земле, живет в палатке, делает верхом на лошади двойные и тройные переходы, и Петр настолько привыкает к этому товарищу, что она становится незаменимой. Она принесла Петру одиннадцать душ детей, но эта почти постоянная беременность не мешает ей неотлучно дежурить при царе и во время пьяных оргий, и во время походов. Почти все дети умирают уже в детстве, но Екатерина образа жизни не изменяет. Она не знает ревности и с ласковой улыбкой смотрит, как ее друг сердечный на ее глазах предается грубейшему разврату со встречными женщинами и мужчинами. По письмам Петра к ней легко проследить, как эта изумительно энергичная женщина как бы прастает в его жизнь. „Жду не дождусь, когда увижу тебя, — пишет ей царь в 1708 году; — скушно без тебя и некому за мной большем присмотреть“. Долгие годы она называет его „ваше величество“. „царь-батюшка“, и даже после того, как Петр повенчался с ней, она далека от тона царицы, охотно вспоминает о своем „низком происхождении“ и, когда после Наштадтского мира Петр посмеивается над женой по поводу ее лифляндского происхождения („Как д-говором постановлено всех пленных возвратить, то не знаю, что с тобой будет“), Екатерина целует ему руку и отвчает: „Я ваша служанка. Делайте со мной, что хотите“.

Быть царю приятной, полезной и необходимой, — вот цель, какую с изумительной энергией преследует эта бывшая „солдатская жена“. Она заботится не только об удобствах Петра, но и об удобствах его „метресок“, и если Петру понравилась в Нарве некая горилчная, то по приезде в Петербург, придя в покои Екатерины, он застает эту доушку здесь. Царица позаботилась о том, чтобы уганать желанно своего мужа.

Вонистую изумительная энергия и самопожертвование этой постоянно беременной женщины, с ласковой улыбкой несущей все тяготы и походной жизни и пьяных развлечений Петра.

После смерти Петра, когда Екатерина, заботами старого друга Меншикова, неожиданно окажется самодержавной императрицей всей России, не останется и следа от ее бывшей энергии, силы воли, ласковости и приветливости. На троне оказывается ленивая, развратная, злобная самка, ни чем не отличающаяся от Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны и других царствующих женщин, каких в таком изобилии знает многострадальный трон русский!

Петр женился в феврале 1712 года. Генерал-лейтенанту Ягужинскому было приказано приглашать гостей „на прежнее бракосочетание его величества“. Именно, это выражение было предписано царем, желавшим этим странным способом исправить положение, из-за которого роль фрейлин во время бракосочетания исполняли дочери невесты, Елисавета и Анна, трех и пяти лет.

Первый брак Петра с Евдокией Лопухиной официально не был расторгнут, и поэтому новое бракосочетание было, собственно говоря, незаконно. В дальнейшем это обстоятельство принесет много горя и осложнений в вопросе о престолонаследии. Но теперь царская невеста Екатерина изукрашена пышно: „платье ее — описывает в своих записках графиня Браницкая — куплено, как-будто, на толкучке; оно все покрыто серебром и грязью; весь перед убран драгоценными камнями. Кроме двуглавого орла, усыпанного алмазами, — вдоль отворотов ее платья нашита дюжина орденов и столько же образов святых. Когда она шла, — легко было подумать, что идет навьюченный мул“.

Графиня, конечно, по-дамски ехидничает, но Екатерина и, вправду, отнюдь не представляла собой образца изящества. Ее башмаки, доныне хранящиеся в музее в Петергофе в свое время дали повод графине Шуазель заявить, что „царица живет на широкую ногу“.

И вот свадьба отпразднована. Как наладилась отношения супругов? Петр называл Екатерину „матерью“, „мудер

письма он по-голландски русскими буквами в письмах к ней. Перевеска Петра и Екатерины полностью никогда не была напечатана, в виду совершенной невозможности опубликовать те цинические выражения, какими исполнены письма не только царя, но и царицы. Любопытно, что Екатерина, уже и после свадьбы, не доверяя судьбе, все время копит деньги. Она ухищряется в добывании денег, берет крупную взятку за заступничество перед государем. Свои сбережения она, по примеру и совету Меншикова, хранит в Амстердаме и Гамбурге. Когда в 1718 году Екатерина за крупную сумму взялась спасти от виселицы князя Гагарина, обвинявшегося в громадных взятках во время пребывания генерал-губернатором в Сибири, Екатерина часть полученной суммы уделаила князю Волконскому, которому поручено было следствие по делу, и подкуп раскрылся. Волконский во время допроса попытался спасти свою жизнь указав на то, что он не решался отвергнуть предложение царицы, а выдать царицу не мог, потому что боялся посорить ее с царем. — Дурак ты, — ответил на это Петр. — Не бы ты не посорил, я бы только хорошенько жолу поучил. Это я и теперь сделаю, а тебе, дураку, глядишь, виселица!

Учил Петр жену усердно. Он зверски бил ее, подвергал ее унижительным издевательствам в присутствии посторонних и даже во время пребывания за границей, но по-своему, как будто крепко любил ее какой-то особой, мужичьей, полужерной любовью.

Востышка Петра отличается крайним своеобразием. В 1722 году саксонскому художнику Даниелгауеру поручено, напр., сделать портрет одного из денщиков императора в совершенно голом виде.

Снисходительная любовь к жене ни в какой мере не изменяет обычных развлечений Петра. „Воспоминания“ князя Голицына описывают, напр., драку царя с садовником, который попытался граблями отогнать императора от своей жены. Мужчины и женщины равно возбуждают чувственность Петра. Он до последней степени перазвернув и от этого ничуть не удвеляют свидетельства, дока-

зываются, что Петр, не только успел заболеть сифилисом (пониженной явилась ласка, не только высеченная своим мужем по требованию Петра, но еще и привлеченная за это к ответственности г-жа Чернышева), но еще и передал эту болезнь Екатерине.

ГЛАВА VII.

Первая жена Петра, Евдокия Ловухина, не только не привлекла к себе любви своего супруга, но и вызвала в нем какую-то особую ненависть. Он не упускает ни одного случая сделать неприятность постылой (одного из ее братьев Петр обманул винным сиртом и приказал сжечь). Но, когда Евдокия была насильно пострижена в монастырь и провела там уже 20 лет, Петр вдруг загорелся ревностью к этой бывшей своей жене. Пока Евдокия писала горькие письма, жаловалась на то, что она мерзнет и голодает в своей келье, Петр не обращал на это никакого внимания. Но вот некий майор Глебов принял участие в горькой участи бывшей царицы, и между Глебовым и Евдокией возникла связь. Петр парижает строжайшее следствие. Следователи произвели обыск и нашли у Глебова письма к нему бывшей царицы Евдокии. „Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, — пишет Евдокия в своих письмах к этому, скоро покинутому ее, случайному любовнику: — Почему ты меня покинул? Чем я тебе досадила? — жалуется она в этих, хранящихся по обыкновению в архиве министерства иностранных дел письмах: — Лучше бы у меня душа моя с телом разлучилась, нежели мне было с тобой разлучаться. Кто мое сокровище украдет? Кто свет от очей моих отнимет? Ради Господа Бога не покинь ты меня, целую тебя во все члены твоя, ей сокровищаю по тебе“.

Новгородский Глебов, храня у себя эти письма, как оказывается, собственной рукой надписал на каждом: „Извещен от царицы Евдокии“. Все улики оказались таким образом налицо. И в какой же гнев пришел разъярившийся Петр, узнав об этой связи давным-давно покинутой и забытой им

женщины. Все 50 монахинь, жившие в монастыре, подвергнуты, по царскому приказу, лютым пыткам за поднесение. До пределов жестокости довел Петр те пытки, которым был подвергнут несчастный Глебов. Для него было устроено в тюрьме особое помещение, где весь пол был вымощен острыми кольями, по которым несчастный должен был ходить босиком. Дыба, колесованная, казань на голову холодной воды, вывертывание суставов, всего этого показалось Петру недостаточным и, когда медики заявили, что со смертным приговором надо поторопиться, ибо иначе обвиняемый и сам-по-себе скончается от пыток, Петр выбрал кол. В день казни Глебова — 16 марта 1718-го г. — был мороз в 30 градусов, и чтобы продлить муки несчастного и недаром ему замерзнуть, его, уже посаженного на кол, укутали, по приказу Петра, в теплую меховую шубу, теплые сапоги и шапку. Казнь продолжалась 23 часа. Сопрекассники сообщают, что, когда через несколько часов Петр подошел было к скорчившемуся на колу, умирающему человеку и стал издеваться, обреченный плюнул в лицо Петра.

Жестокое наказанная батогами, после суровых допросов под пытками, Евдокия сохранила жизнь. Когда Петр умер, взошедшая на престол жена Петра Екатерина распорядилась усилить меры строгости и приказала перевести несчастную старуху Евдокию из монастыря в Шлиссельбургскую крепость и поместить ее в особой, подземной, переполненной крысами камере.

Здесь измученная старуха провела еще два года до смерти Екатерины I и только, когда на престол вступил Петр II, сын казненного Алексея, внук Евдокии, — неожиданно распахнулись двери Шлиссельбурга. С царскими почестями явились придворные приглашать ее принять участие в празднествах по поводу вступления на престол нового монарха, ее внука. В ее распоряжении дворцы с пышными палатами, нарядные экипажи; толпы шитых золотом придворных почтительно склоняются перед ней. Ее везут в золоченой карете на коронацию нового монарха. Она, старуха Евдокия, впереди всех на празднествах, ей главный почет, ей общая преданность и уважение.

Но старуха находит, что все эти дары судьбы пришли несколько поздно. У нее давным-давно содала голова, и ее не интересует теперь суетная жизнь при дворе. И, оставив дворец, измученная старуха снова, на этот раз уже по доброй воле, уходит в монастырь, выбрав для этого стены Ново-Девичьей обители.

Здесь жила Евдокия последние годы своей жизни, до 1731 года, когда зеленая могилка на монастырском кладбище скрыла измученную женщину, имевшую несчастье быть в свое время женой императора.

От момента заточения в монастырь Евдокии Лопухиной до появления новой жены, Екатерины, Петр успевает приблизить к себе целый ряд иных женщин. Анна Моисе-такова — фамилия первой заместительницы отправленной в монастырь Евдокии. Анна Моисе была любовницей Лефорта, но с Лефортом у Петра были те же отношения, как и с Меншиковым, и оба они не считали удобным делить между собой благосклонность Анны Моисе. Но от такого делажа Петр вскоре уклонился. К Анне Моисе Петр стал было относиться очень нежно и при дворе начали всерьез считаться с этой вновь восходящей звездой. Обычно скупой, Петр успел подарить Анне Моисе в 1703 году большое поместье Духино. Но аппетиты Анны Моисе были велики, и этого подарка ей было недостаточно. В опубликованных Мордовцевым архивах имеется письмо фаворитки с просьбой подарить ей „из дворцовых сел волость“. К этой записке она, и со своей стороны, приложила подарок — четыре лимона и один апельсин.

Целый ряд современников свидетельствует, что Петр собирався было жениться на Анне Моисе, но вот, находившийся при русском дворе саксонский посланник Кенигзет случайно утонув. В кармане его, при осмотре тела, нашли несколько любовных записочек, по почерку которых Петру нетрудно было догадаться, что автором их является некто иной, как Анна Моисе.

Фаворитка в тюрьме. Но она так упорно отстаивает свою невинность, так горячо уверяет царя, что ее оклеветали, что ее почерк подделали злые люди, жаждущие по-

ссорить ее с царем, что Петр освобождает ее. Очень скоро после этого Анна Моне снова попадает в тюрьму, на этот раз из-за связи с прусским посланником Кайзерлингом. И на этот раз Моне спаслась. Кайзерлинг официально заявляет, что Анна Моне его невеста, и Петр сохраняет ей жизнь и разрешает ей выйти замуж. Но еще много времени после этого замужества Петр сохраняет злобу и обманывавшей его фаворитке. Когда Кайзерлинг попробовал было через год воспользоваться добрым настроением царя и попросил его о назначении брата Анны Моне на какую-то должность, Петр гневно ответил: „Я твою Моне при себе держал, чтобы жениться на ней. Коль ты со себе взял, так и держи ее и ко мне с ней соваться не смей!“ Кайзерлинг вздумал было вторично повторить просьбу, но на этот раз дело кончилось совсем плохо. Разъяренный Петр вместе с Меншиковым вытолкнул Кайзерлинга за двери и спустил его с лестницы.

После разлуки с Моне Петр долгое время не хочет знать женщин. Меншиков и Лефорт должны заменить ему радость женской любви. Но и Лефорт, и Меншиков — имеют огромные гаремы. Тут и две сестры Арсеньевы и Екатерина Василевская-Михайлова и мн. др. Здесь же оказываются даже и родные сестры Меншикова, Мария и Анна. Жуткие оргии разыгрываются в этих гаремах в дни кутежей Петра.

Петр делает со своими фаворитамиAspect обязательный этих гаремов, но женщины он презирает и пользуется всеми способами демонстрировать это презрение. В этот период, напр., происходит при дворе следующая характерная сцена, героиней которой является Варвара Арсеньева. Вильбуа в своих „Занесках“ так описывает эту историю: „Петр любил все необыкновенное: за обедом он сказал Варваре: — Не думаю, чтобы кто-нибудь пленился тобой, бедная Вара. Ты слишком дурна. Но я не дам тебе умереть, но испытавши любви. И тут же, при всех, повалил ее на диван, и исполнил свое обещание“, — свидетельствует Вильбуа.

Наиболее яркой любовной историей в этот период жизни Петра является так и просящаяся на экран кинематографа история Марии Гампльтон.

Здесь, в этом романе Петра не было и речи о каком-нибудь серьезном увлечении, как в романе с Анной Мопс. Случайно оказавшаяся на пути, застигнутая царем, по выражению современника, „между двумя дверями“, Марии Гамильтон была сразу же брошена Петром, на смену которого явился царский денщик. Историки перечисляют целый ряд любовников, сменивших друг друга около этой женщины, до тех пор, покамест она не совершила кражи для одного из своих любовников, мелкого служащего в царской канцелярии, некоего Орлова. Гамильтон похитила какую-то сумму денег и бриллианты у императрицы. Кража была незамечена и осталась бы без последствий, если бы не случайность. В царском кабинете затерялся в это время какой-то документ, еще недавно перописанный Орловым. Документ найден, но в необычном месте, и для выяснения дела Орлов был призван на допрос к царю.

Неспуганный Орлов, приведенный на допрос, решил почему-то, что дело касается его отношений к Марии Гамильтон, что Петр ревнует, и не дожидаясь обвинения сразу же упал царю в ноги и стал каяться.

Петр уснул было давно позабыв о случайных отношениях своих с Марией Гамильтон. Но, когда из показаний допрашиваемого неожиданно выяснилось, что Орлов был ее любовником, Петр внезапно заревновал.

За дело ваялись сурово. Орлов сознался и в том, что воспользовался бриллиантами, украденными Гамильтон, рассказал все детали своих отношений к ней, рассказал и о шкидшне, какой была сделан его любовницей. Себя Орлов не спас, но Марию он погубил. Создано дело о детоубийстве, и Петр после пыток отправил Марию Гамильтон на плаху. В белом шелковом платье с черными лентами, вошла Мария Гамильтон 14-го марта 1719 года на помост. Петр счел долгом явиться заблаговременно, чтобы присутствовать при казни. Петр демонстрирует вежливость к осужденной. У подножия эшафота царь обнял Марию Гамильтон, поцеловал, посоветовал ей пережить эту последнюю минуту. С царским благословением непосредственно из царских объятий была она пере-

дана в руки палача. Подробности казни, передаваемые Шерером, являются потрясающими. Когда палач отрубил голову Гамильтон, Петр подошел к плахе, поднял ее голову, скатившуюся в грязь, и, указывая на разрезанные топором железы, стал рассказывать присутствующим, как значительнее имеет каждая из них в человеческом организме. Окончив лекцию, Петр еще раз поцеловал мертвые губы, перекрестился, отшвырнул от себя голову, и, как будто сразу забыв о Гамильтон, занялся очередными делами.

Трудно искать какой бы то ни было закономерности и последовательности в сумбурной, запутанной, сумасшедшей биографии Петра. Но, как будто, суровая Немесис задумалась целью отомстить царю за жестокую казнь Марии Гамильтон. Царь узнает, что Екатерина, единственная женщина, которой он верил, эта женщина, которую он подобрал в грязи, вывел из солдатской казармы, из кухни и прачечной и сделал ее, любовницу Меньшикова, своей женой и даже впервые в русской истории короновал, — что она изменяет ему с его слугой, его дощиком, что Екатерина — любовница лакея Вильяма Мопса, родного брата изменчившей ему Анны Мопс.

Даже парочко, если придумывать фабулу для бульварного романа, не изобрести более злой и более эффектной насмешки над Петром.

Как относился Петр к Екатерине в этот период? Впервые в жизни он всерьез привязался к женщине. Его письма к ней исполнены грубой нежности. Он рвался исполнить все ее просьбы. Еще только что на сцене появились педерасты-турьбой мужики из разных деревень, бандиты-годетвенники Екатерины. Какой-то курьер, по пути в Ригу, ударил по морде очередного ямщика, а тот в ответ на этот обыкновенный жест вдруг закричал: «Меня ты не бей. Меня не надо бить. Я самой царнице родным братом прихожусь». Неужели за проделанность потащили на допрос, и неужели бы ему лютой казни, но, так как дело вошло за серьезным, о нем осведомили Петра, и вдруг оказалось, что ямщик говорит правду. В результате расследования получился длинный список новых родичей: брат

вять, дядя и сватья, какие-то племянники и племянницы и тетки. Кого только не оказалось в этом списке давным-давно позабытых Екатериной сродственников.

Царь призвал ямщика Федора Скавроисского, старшего брата царицы, в Петербург, назначил ему тайное свидание в доме Шафирона и стал расспрашивать о всех появившихся родичах. Кроме брата Федора, ямщика, — другой брат, как оказалось, занимался полевыми работами, еще брат — по сапожному делу, какая-то свояченица в проститутках ходила и т. д., и т. д. Развертывался длинный и устрашающий список родственников. Оделив всех их скромной пенсией, Петр отгнал всех по домам, приказав им жить тихо, чтобы о них ничего не слышно было, а ревельскую свояченицу, проститутку, распорядился упрятать в тюрьму. Впоследствии, после смерти Петра, Екатерина вызвала всех этих родичей — ямщиков, сапожников, мастеров в Петербург, дала им новые имена, пышные титулы, наделила их огромными поместьями с громадной толпой крепостных, осыпала их золотом и почестями. Бывший ямщик — стал графом Скавроисским, бывший сапожник — обратился в графа Гендрикова, бывший крепостной — стал графом Ефимовским и т. д., и т. д.

Положение Екатерины крепнет все более и более. Из 11 детей ее 9 успели умереть. В живых остались только две дочери, Анна и Елизавета, и отсутствие престолонаследника, которому могли бы перейти права Алексея, сына Евдокии, единственное, что заботит в этот период ведавшую солдатскую женку, будущую императрицу Всероссийскую. Единственное, чего боялась Екатерина, спокойно относясь к многочисленным связям Петра, это того, что у какой-нибудь из фавориток Петра родится сын, и тогда ее влияние окажется ничтожное Екатерины.

Против этого принималась сложная и хитроумная мера. Когда дочь господаря молдавского Кантемира, Мэла, одна из многочисленных фавориток Петра, забеременела, — Екатерина подкупает врача. Тот во время осмотра беременной производит какую-то манипуляцию, и вот уже обследовав выкидыш и Петр снова равнодушен к фаво-

ритко, и снова спокойно и весела укренившая свое влияние Екатерина.

Это влияние в последние годы жизни Петра подымало на предельную высоту. В 1721 году, по приказу Петром сенат и синод единогласно признают за ней титул императрицы. Еще через два года Петр повелевает произвести коронацию бывшей служанки. До сего времени русская история в отношении к женщине такого обряда не знает. Только Дмитрий Самозванец в свое время поторопился короновать Марину Мнишек. Кроме него, никто до Петра не считал возможным произвести коронацию женщины. Приняв это решение, Петр провел его по всем правилам. Обряд коронации Екатерины был произведен исключительно пышно. В изъятие из правил, платье для императрицы было заказано на этот раз в Париже. Петр сам возложил специально заказанную золотую корону, украшенную бриллиантами, на голову своей жены. Опустившись на колени перед алтарем, Екатерина, вся в слезах, пыталась обнять колени царя. Он, улыбаясь, поднял ее и вручил ей эмблему царского достоинства — державу, оставив себе эмблему власти — скипетр.

Эта церемония происходила 7-го мая 1721 года. Но прошло еще и полгода после этого, как Петр получил донос о связи императрицы с молодым и красивым локсеем Вильямом Моисеем, братом казенной фаворитки Анны Моисеевой. Петр не верит. — Ложь, наглая клевета. Не может этого быть. — Но расследование подтверждает донос. Все окружающие, оказывается, давным-давно знали о связи императрицы. Через Вильяма Моисеева добывали протекцию и осуществляли свои пожелания при дворе министры, посланники, епископы. Все знали о позоре Петра, и только муж, только сам Петр (история повторяется) был слеп. Ему и в голову не приходило, что Екатерина, эта единственная женщина, к которой он относился с нежностью и доверчивостью, давным-давно продала и предала его, что она изменяет ему с его локсеем.

Петр рассвирепел, но внешне он спокоен. Больше двух недель прошло с тех пор, как он все знает, но он не по-

от вида; спокойно, как ни в чем не бывало, разговаривает императрицей и с самим Моисом. Он взял себя в руки, и спокоен. Спешить некуда. Только выяснив все детали, узнав, где именно (у сестры Моиса, Матрены Балк, фрейлины императрицы) встречается обыкновенно Екатерина со своим любовником, только изучив все положение и роли всех соучастников и покровителей, в начале третьей недели Петр отдаст, наконец, приказ об аресте Моиса.

Не было бы той лютой казни, какой не подверг бы поверженную жену, но для таких мер время миновало. Уже поздно. Она законная жена императора, она королева. Что скажут в других странах, если позор царя разнесется? В это время Петр мечтал выдать свою дочку Елисавету замуж за французского короля. Нельзя, помыслимо допустить огласку, которая повредит всем планам.

И, поборов себя, Петр оставляет Екатерину в покое. Она королеванная особа. С ней ничего не поделаешь. Аресту подвергли в первую очередь Вильяма Моиса и соучастницу Матрону Балк. Следствие ведет сам Петр. Во время допроса он принимает все меры, чтобы не вникать в дело императрицы. Моисе официально обвиняется только по взыточничеству, в злоупотреблениях по должности и т. д. Чтобы уберечься от огласки обстоятельств дела, Петр берет на себя лично не только роль судебного следователя, но даже и роль тюремщика. Никто не должен знать подробностей. Петр владеет собой до того, что избавил Моиса от пыток. Одна только сестра его Матрена Балк не вытала обычным порядком. Уже через неделю, 28 го ноября 1724 года, Моисе отрубил голову. Перед казнью — сообщает в своем доносении саксонский посланник — Петр в последний раз приходит к осужденному, проститься. О чем говорили они, оскорбленный муж и приговоренный к смерти любовник, в этот час, пред казнью, так и осталось неизвестным. Но Моисе сумел сохранить на эшафоте бодрый вид и умереть с достоинством.

Екатерина принимает все меры, чтобы показать, что дело Моиса ее не касается. В день казни она проявляет присутствие духа изумительное. В этот день она кажется

необыкновенно веселой. Вечером в день казни она приглашает учителя танцев, и вместе с придворными дамами старательно разучивает на менуэта.

Судьба Матроны Балк оказывается легкой. В день казни Вильяма Моиса его сестру бьют кнутом и ссылают в Сибирь. После смерти Петра она вернется и станет жить вместе с водарившейся Екатериной.

Но одной казью Моиса Петр не ограничивается. В тот же день особым царским указом Петр, указывая на ряд допущенных злоупотреблений именем императрицы, якобы без ее ведома, предписывает отныне не признавать от ее величества, государыни не только „никаких приказаний“, но и „никаких рекомендаций“. В этот же день, под предлогом правительственной ревизии, наложен арест на канцелярию, заведующую личными делами Екатерины. Все дела императрицы, все деньги отобрааны. Оставшаяся без средств императрица принуждена по мелочам занимать и выпрашивать деньги у своих приближенных.

Петр, как мы видим, сдержал себя, победил жажду мести: Екатерина спаслась от пыток и казни. Но Петр неспокоен. На завтра царь выезжает в саних с женой и едет на площадь, к эшафоту, где выставлено тело казненного Моиса. Петр подводит императрицу вплотную к казненному. Но сила воли у Екатерины огромная. Она улыбается.

Петр не ограничивается и этим. Он приказывает положить отрубленную голову казненного Моиса в особую банку со спиртом и поставить ее на видное место в спальне императрицы. Екатерина и теперь остается спокойной. Она и не думает протестовать против этого зловещего украшения супружеской спальни. Она спокойна. Она улыбается. Даже Петр не в силах выдержать этой улыбки. Со всего размаху он разбивает кулаком вдребезги огромное венецианское зеркало, украшающее спальню. Екатерина спокойна. Екатерина улыбается. Ее дело дотерпеть до того момента, пока Петр умрет, пока она, солдатская вешка, окажется на престоле российском.

19-го декабря 1724 года Лефорт в своей очередной депеше пишет: „Царь и царица не говорят друг с другом.

не обедают и не спят больше вместе". Другие источники сообщают о том, как Екатерина, стоя на коленях, молит о прощении. Петр угрюм. Простить и забыть он не может. Это выше его сил.

Проходит несколько месяцев. Угрюмость Петра все усиливается. У него вид человека, у которого, как - будто, сломалось что - то внутри. Он потерял свою обычную, свою постоянную звериную жадность, волю к жизни. И простой простуды достаточно, чтобы прикончить его сумасшедше - бурную, сверх - человеческую жизнь.

20 лет непрерывной борьбы открыли, наконец, Екатерине доступ на престол. И с первых же дней разнуздываются прежде сдерживаемые инстинкты. Всего 16 месяцев провела она на престоле, но все это время сплошь занято теми же пьяными оргиями, от которых она когда - то так старательно оберегала мужа, диким развратом и безнабашной оголтелостью. Одного Меншикова ей недостаточно. Левенвольд, Девнон, Санага, каждую ночь новый избранник, новый фаворит оказывается на дежурстве у кровати этой старой женщины. Держава Российская бесконтрольно отдала в руки Меншикова, и льются рекой золото и кровь, и беспробудная, неправдоподобная вакханалия заполняет собою дни и ночи недавней портомок, императрицы всероссийской.

ГЛАВА VIII.

В поисках разгадки той огромной и сложной задачи, какую представлял собой Петр, его странная и сложная душа, — одним из наиболее показательных эпизодов является судьба царевича Алексея. Сын любимой, насильно отправленной в монастырь нарицы Евдокии Лопухиной, Алексей в течение ряда лет оставался единственным наследником престола. У Екатерины дети „не держались“. Роковой закон наследственности сифлиса проявил себя полностью. Одна беременность сменяла другую в обстановке утомительных походов и бурных оргий, но дети, один за другим, умирали в раннем детстве.

Наследником престола Петр дорожил тем более, что не мог не чувствовать, что вся окружающая его среда в корне, в основе враждебна всем его преобразованиям, что все вокруг только и мечтают забрать железной решеткой, наглухо замазать то окно, какое он прорубил все же в Европу.

„Нет никакого сомнения, — пишет Кампредон в 1721 году, — что сейчас же после смерти царя это государство вернется к прежним обычаям правления, о которых все подданные в тайне вздыхают“.

Уже из самолюбия Петр не хотел, но мог допустить, чтоб погибло дело всей его жизни.

Дела Тайной Канцелярии во все время царствования Петра заполнены разбирательствами попыток митожа. „Петр — ненастоящий. Его подменили. В колыбель положили немца“, сына Лефорта и немки, говорили в народе. „Это не царь, это антихрист“ — таково было очень распространенное убеждение. В 1701-м году, какой-то Талицкий был даже приговорен к смерти за распространение сочиненной им книги о том, что Петр антихрист.

Из года в год повторялись далее покушения на жизнь царя. Как ни жестоки были расправы, массовые казни и вытчи, — покушения повторялись. Лави сообщает в 1718-м году о новом, являющемся по счету с начала царствования уже двадцать девятым, покушении на жизнь царя.

— Петр — ненастоящий государь. Царя подменили в детстве, положили в колыбель немца, — говорили в народе.

Сам Петр тоже не верит в то, что он настоящий, не верит в то, что он является сыном царя Алексея Михайловича. Для этих сомнений у него, и правда, много оснований. Он ни чем не похож ни на хилого Алексея Михайловича, ни на болезненного брата Феодора, ни на полуслового идиота Иоанна Алексеевича.

Среди рассказов современников находим характерную сцену, когда Петр, во хмелю, хватает за бороду Тихона Стрешнева, одного из тех придворных, кого молва называла любовником матери Петра, Натальи Кирилловны. — Чей я сын? — кричат Петр: — Говори, не твой ли, Тихон Стрешнев? Этот вот, — продолжает Петр, — указывая на стол-

щего рядом Ивана Мусина-Пушкина: — этот знает, что он сын моего отца. А я чей сын? Не бойся, Тихон, говори. Говори, а то я удушю тебя, собака.

— Ватюшка, смилуйся! Я не знаю, что отвечать. Я был не один, — отвечает полузадушенный Стрешнев.

Но если Петр и вправду вовсе не похож на своего отца, болезненного Алексея Михайловича, то еще меньше похож на Петра его единственный сын, Алексей Петрович, наследник огромного „хозяйства“, которому отдал Петр всю жизнь, наследник державы Российской. Это тихий, ограниченный юноша, у которого нет ни малейшего интереса к буйным заботам, волнующим Петра. Когда Петр пытается внушить Алексею интерес к своим воинственным планам против шведов, Алексей отвечает: „А зачем биться? Не лучше ли сидеть дома, а шведов не трогать“.

Петр глубоко презирает этого тихоню, с его характером вегетарианца, с его смиренным монаха, с его любовью к старине. Царь тщетно пытается заинтересовать его своими делами, прихотить его к той бурной, суматошавой, непоседливой жизни, какую он жил сам, но тщетно. И Алексей остался предоставлен самому себе, выброшен Петром из его жизни, как ни на что негодная вещь.

Петр ездит с места на место, носится, как шальной, из города в город то в России, то за границей, — а Алексей остается безвыездно в любимой им Москве, и вокруг него с отчетливостью химического процесса кристаллизации стали отстаиваются все недовольные, все мечтающие о возврате к прошлому, все тоскующие по старине.

Здесь и жалкие остатки бывших сторонников Софьи, немногие из стрельцов, уцелевшие после лютых казней царя. Здесь и бояре, мечтающие о праве на пошение бороды и широких охабней, здесь и враги богомерзкого табачного зелия, твердо уверенные, что Петр — антихрист, враг рода человеческого.

От этой группировки вокруг Алексея элементов, враждебных новой государственности, прежнее презрительное равнодушие Петра к своему сыну заменяется лютой злобой и ненавистью.

Не было любви к отцу и у Алексея, помнящего горькую судьбу своей матери, насильственно заточенной в монастырь, когда ему исполнилось девять лет. Сильнейшей любви у Алексея не откуда было взяться. Петр был суров и пощадно был сына. Все его разговоры Петра с сыном ограничивались вопросами, чему он выучился, как провел день, а когда Алексей был изобличен в том, что он посетил тайно свою мать, заточенную в Суздале, гнев отца дошел до предела.

Петр перемогает себя, снова делает целый ряд ошибок, мечтая приучить своего наследника к делам. Он посылает его то в Смоленск, по делам продовольственным, то в Москву, но сын оказывается неумелым и неудачливым. Дело в его руках не спорится, все разваливается, и все больше возмущает гневаться государь. Алексею приходится хлопотать, искать протекции у придворных, чтобы смягчить суровые кары, ожидающие его. Он пишет жалобные письма целому ряду лиц, в том числе и фаворитке Петра, будущей императрице, Екатерине.

Во время Полтавской битвы Петр выражает желание видеть при себе в рядах войска наследника, но наследник отказывается, уверяет, что он нездоров, он простужен.

Петр решает, наконец, послать сына в Германию. Пусть поучится, пусть найдет себе жену, может быть, человеком сделается! Но Алексей, умудрившийся соединить в своем лице византийскую религиозность с крайней развращенностью, не может заставить себя заниматься науками. Единственное, что он успел сделать за границей, это жениться на принцессе Шарлотте. Это бедное, запуганное существо так и не сумевшее сыграть какую бы то ни было роль в жизни царевича. Очень скоро Алексей расстался с женой, заменив ее любовницей, некоей Ефросиньей, которая в будущем, как мы увидим, сыграет огромную роль в его жизни и предаст его на жестокую расправу Петра.

Бедная Шарлотта несмытала много горя со своим мужем, который то жестоко бил ее, был беременною, сшибали по животу, то падал в обморок, видя, как она мучается родовыми муками.

Петр очень недоволен поведением Алексея за границей. Когда, по возвращении его в Петербург, Петр приказал

сыну показать ему чертежи, чтобы убедиться в том, исполнил ли он предписанную ему программу работ, царевич показал подложные чертежи, а чтобы царь не заставил его чертить при себе, он нарочно прострелил себе руку. Дело вышло плохо, но разъяренный Петр терпит, ибо видит в Алексее единственного наследника престола.

Но вот у Алексея и Шарлотты родился сын, и Петр считает, что теперь возжики можно подтянуть. В случае чего, вместо сына, внук может остаться наследником престола. Петр пишет суровое письмо Алексею: „Горесть меня съедает, видя тебя, наследника, весьма в направлении дел государственных неупотребного. Я семь человек, и смерти подлежу. Кому свою посаженщину оставлю? Какого злого права и упрямого ты исполнил? Сколь много за спя тебя бранивал и бивал, но все даром. Последний сей testament тебе пишу, аще не лицемерно обратишься. Если же ни, — то позвонен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангрениный отсекают. Не могу тебя неупотребного пожалеть“. Но и этот суровый testament, „последнее увещевание“ не действует. Через некоторое время после этого Петр обращается с новым посланием к Алексею: „Так остается; как желаешь быть, ни рыбой и ни мясом, невозможно, — пишет Петр своему сыну, снова и снова увещевая его „исправиться“, — не то я с тобой, как с злодеем поступлю“, — сурово грозит он, собиравсь постричь недостойного сына в монастырь. Никаких особых грехов за Алексеем не числилось, но он сын нелюбимый Евдокии, возле него группируются лица, недовольные Петром, а главное, он — „ни рыба, ни мясо“, но такой сын, какого хотел для себя буйный, энергичный царь.

Проходит еще полгода. Занятый своими делами, Петр, как будто, забыл на все это время об Алексее. За это время он успел уже окончательно склониться к заключению сына в монастырь, но в это время Алексей, испуганный постоянными угрозами отца, захватив с собой свою Ефросинью, бежит из Петербурга за границу. Официально он заявляет, что одет, будто бы, в Ригу куда его вызывает Петр. На самом деле он направляется в Вену, чтобы отдаться там под покров

вительство родственного ему по жене императора австрийского. По паведенным им справкам, император не только обещает „по выдавать“ своего зятя, но еще и ассигнует ему пенсью, ежемесячно три тысячи флоринов, Ему с Ефросиньей хватит.

Когда весть о побеге Алексея дошла до Петра, царь рассвирепел. Этот мальчишка осмелился обмануть его, императора всероссийского. Смерть виновному, — Петр расыласт по всей Европе целый ряд сыщиков. Здесь и Веселовский, и Толстой, и Румянцев. — Напали на след скоро нагоним зверя! — извещают посланные. Скорость оказалась очень относительная: поиски пронавшего без вести сына отнимают более года. Император австрийский, как оказывается, поместил Алексея в старой башне в замке Эрцберг, где тот жил некогда, ничем о себе не заявляя. Но хитрый Румянцев, русский резидент в Вене, умудрился все же разузнать тайну местопребывания царевича. С несколькими офицерами Румянцев появляется возле убежища Алексея, стараясь выкрасть его оттуда, и во что бы то ни стало арестовать. Венский двор решает тогда перевести Алексея в Неаполь, только что еще уступленный австрийцам. Алексею поставлено условие расстаться с русскими слугами, ибо „благодаря их постоянному вмешательству тайны местопребывания делается затруднительным“. Цесаревич соглашается, но настоятельно требует, чтобы ему разрешили взять с собой одного пажа. Под видом этого пажа с ним едет все та же Ефросинья, успевшая как бы заколдовать Алексея. В чем тайна обаяния этой толстой и коротконогой некрасивой рыжей женщины неизвестно, но Алексей не может прожить и одного дня без своей Ефросиньи.

Румянцев успел, однако, узнать и новый адрес, и вдогонку за добычей едет в Неаполь. Вместе с Толстым он является к императору австрийскому с официальным требованием о выдаче скрываемого наследника престола. Император Карл VI испуган угрозами Петра: „Буде цесарь откажет и наших послов видеться с сыном нашим не допустит, — мы сле прием за явный разрыв и будем пород

всем светом искать посылханную и песпосную нам и чести вашей обиду отомстить". И вот Румянцев и Толстой доушени к Алексею. Румянцев начал с того, что подкупил не только всех представителей власти, но и Ефросинью. Искусно запугивая Алексея предстоящим, будто-бы, приездом Петра в Италию и неизбежностью насильственной выдачи его в руки царя, Румянцев и Толстой убеждают его отдаться по доброй воле на милость царственного отца. Покорного сына отец всегда простит, если же Алексей будет отказываться, ему грозит суровая участь, а к тому же, местные власти сегодня же разлучат его с его сокровищем, Ефросиньей.

Сокровище, получившее много подарков, замолвило и со своей стороны слово, и слабохарактерный Алексей поддался. Он пишет смиренное письмо царю, выражает горькое раскаяние, отказывается от каких бы то ни было прав, и молит только об одном, чтобы ему, как недостойному престолу, разрешили тихо жить в отдалении на покое, с его возлюбленной Ефросиньей.

Петр отвечает сыну милостиво, дает ему целый ряд обещаний, разрешает даже сыну исполнить его давнюю мечту и жениться на Ефросинье, и требует только одного, чтобы свадьба произошла в пределах России.

Царевич в восторге. Ему не приходит и в голову, что все эти обещания Петра — простая ловушка. Он отправляется в путь в Россию.

Карл VI, желая полностью исполнить свой долг перед поверившим его обещаниям Алексеем, посылает к нему своего губернатора, графа Коллорадо с тем, чтобы он наедине, без свидетелей, поговорил с Алексеем и спросил его, правда ли, что он без принуждения, по своей доброй воле, возвращается на родину, но агенты русского царя с Румянцевым и Толстым во главе умудряются в пределах чужой страны силой оружия прогнать посланного австрийским императором представителя.

Судьба Алексея предрешена. Ничто в мире не спасет его от той судьбы, какую уже решил хмурый Петр. Он долго еще будет, как кошка с мышью, играть с запу-

таким, слезливым сыном, по судьба жертвы предрежена безусловно.

3 го февраля 1718 года в Кремле устраивается торжественное собрание высшего духовенства и гражданских чинов. Предстоит публичный суд над недостойным царским сыном.

Алексей в качестве обвиняемого появился „блѣдный и переиуганный“. Петр в присутствии всех в тихой речи осмыкает его бранью и упреками. Алексей, заплакав слезами, падает на колени, молит о прощании, умоляет отцу о тех обещаниях, какие дал царь в своем письме.

Но те письма, какие писалось, когда Алексей был за границей, когда его надо было заковать в кандалы, теперь ничего не стоит в глазах Петра. Теперь Петр требует иного. Алексей должен назвать всех соучастников, должен торжественно, в Успенском соборе, отказаться от престола, а там видно будет.

С первого же допроса Алексей называет длинный ряд соучастников. Вяземский, Василий Долгорукий, Давид, Афанасьев, Кикин. Длинно список оговоренных лиц. Роты за ними нет никакой. Они только состояли в переписке с Алексеем, они только не приняли мер, чтобы помешать побегу. Но разъяренный Петр в застенках Преображенского приказа свирепствует во-всю. Кикин получил сто ударов кнута и колесован. Афанасьеву отрубили голову. Досифей, епископ Ростовский, уличенный в том, что он говорил о возможности воцарения Алексея, после пытки, также колесован. Поклоновскому отрезали язык, губы и нос. Головы всех казенных вадеты на кол, их внутренности всепародно торжественно сожжены. Петр заставляет Алексея присутствовать при всех этих казнях и пытках и затем увозит его с собой в Петербург.

Несчастный Алексей думает, что были виноваты и он. Он выдал всех, виновных, и невиновных друзей своих. В Успенском соборе, на том самом месте, где он должен был в будущем короноваться, он, по указке Петра, уже возманился торжественный текст отречения от престола, и он чита-

тает, что теперь Петр позволит ему жить вдали от себя с его Ефросиньей. Но в Петербурге допрос возобновляется. Ефросинью уже заключили, оказывается, в крепость, а вскоре после этого арестовали и самого Алексея, до сих пор оставшегося на свободе.

Показания милого дружка, Ефросиньи, окончательно загубили Алексея. Петр еще не хочет официально подвергать пытке своего сына, так недавно еще известного всей России, в качестве наследника престола, но „не официально“ пытка была применена. Один из крестьян графа Мусина-Пушкина оказался, напр., осужденным в каторгу за то, что он позволил себе рассказывать, как на его глазах царевича, сопровождавшего государя, во время загородной прогулки, отвели в отдаленный сарай, и оттуда раздавались крики и стоны.

До середины июня Алексей, хотя и подвергается такого рода допросам, но остается на свободе. Петр не хочет чинно решать вопрос об аресте сына. Он снова созывает собрание духовенства и гражданских сановников, вручая им особый обвинительный акт, требует, чтобы они решились распрю между ним и сыном. Духовенство от определенного ответа уклонилось. Витиеватая отписка духовенства в ответ на запрос царя содержит ссылки, с одной стороны, на Ветхий Завет, позволяющий отцу наказывать сына, с другой стороны, на Завет Новый, знающий прощение отцом блудного сына. Сенат также не находит еще определенных слов, и требует дополнительных справок. Никто не хочет взять на себя решение вопроса о судьбе царского сына.

Тогда решение берет на себя Петр. И Алексей оказывается в тюрьме. 19-го июня он получает первые 25 ударов плута и впервые подвергается пытке. „Желал ли он смерти?“ — вот основной пункт допроса. Следствие по делу учено Толстому, пощады ждать не приходится.

Окончательно потерявший присутствие духа, Алексей не пытается спорить. Он сразу же признает все обвинения, и заботится только об одном, о том, чтобы всеми мерами выгородить предавшую его возлюбленную, Ефросинью. Он не знает, что Ефросинья давным-давно, еще со времени

пребывания за границей, получает жалование от следователя Толстого и он не знает, что Ефросинья давно отпущена на свободу и, хорошо вознагражденная, занята все это время только заботами о покупке какой-то „материи“, каких-то „карамелек“, и „сладкой каши“. Под пытками, под кнутом, Алексей только и думает об этой предавшей его грязной и уродливой бабе.

24-го июня новый допрос, новые пытки и кнут. Вопрос о судьбе царевича давным давно решен. Ясно, что Петр не оставит в живых царевича, побывавшего в застенке, которого народная молва уже зачислила в святые и мученики. Но Петр продолжает допросы, Алексею вставляют называть все новых и новых лиц. Долгие месяцы длится террор. Десятки и сотни лиц корчатся в мучениях над раскаленными жаровнями. Дыба, колесование, вырывание поздрав, четвертование совершаются день за днем. Только немногие счастливицы отделяются батогами и ссылкой.

Петербург изнемогал в атмосфере сплошного террора. „Город сделался зловецким“ — пишет Лави в январе 1718 г. Все живут, словно охваченные общей заразой. Жителей, как будто, нет, остались только обвинители и обвиняемые.

Но вот допрос царевича объявлен законченным. Создан, наконец, верховный суд. В его состав входят министры, сенаторы, высшие военные (духовенство за недостаточную определенность решений отстранено).

Суд созван для произнесения последнего слова о судьбе царевича. Все знали, что царь хочет смертного приговора своему сыну, и совещаться было не о чем. 127 судей, все как один, холопски и рабыи угодливо потребовали смерти, и без долгих рассуждений все 127 судей подписали смертный приговор. Нашелся только один гвардейский офицер, который уклонился от подписи. — Неужели нашелся хоть один такой смельчак? Дело оказалось проще. Этот человек не умеет писать и своей фамилии!

Но и этого смертного приговора оказалось недостаточно, чтобы успокоить свирепость Петра. Алексей умер раньше приведения приговора в исполнение. Он умер скоропо-

стижко. Впоследствии, на примерах Петра III и Павла I, мы снова встретимся с этим свойственным дому Романовых видом скоропостижной смерти.

Как произошла смерть Алексея? Царский манифест, подписанный Петром, указывает на „жестокую болезнь, подобную апоплексии“. Все остальные современники единодушно указывают иные причины. Царевичу была отрублена голова. Девине Крамер было поручено пришить голову к телу казненного. Впоследствии эта умелая портниха сделает придворную карьеру и будет гофмейстерицей великой княжны Наталья, дочери казненного Алексея.

В записной книге петербургской гарнизонной канцелярии, в которой велась ежедневная запись всего происходящего в стенах крепости, встречаем изумительные подробности относительно пыток, какие в присутствии Петра производились над несчастным Алексеем. Суд, вынесший смертный приговор, был 24-го июня. Но еще и 26-го июня запись гарнизонной канцелярии рассказывает о пытках. Эти пытки, официально зарегистрированные уже и после смертного приговора, производились в тот самый день, когда произошла „скоропостижная“ смерть Алексея. „В день смерти царевича, — сообщает Лефорт, перебивший службу у Петра на роль советника саксонского посольства, — царь в 4 часа утра в сопровождении Толстого отправился в крепость. Здесь в сводчатом подземелье несчастного Алексея подняли на кобылу. На этот раз удары кнутом, вместо профессионального палача, наносил сам царь.

В 10 часов утра пытки возобновляются. Петр снова явился, на этот раз вместе с Екатериной. Бьет кнутом приговоренного к смерти не только Петр, но, по его приказанию, и Екатерина. Когда она оказывается недостаточно умелой, Петр выхватывает кнут из ее рук и первым же ударом отшибает сознание своего несчастного сына. Присутствующие сочли было Алексея мертвым, но вскоре Алексей пошевелился: — Еще черт не взял его! — кричит Петр.

В тот же день последовала, наконец, „скоропостижная кончина“. Тело царевича с пришитой головой выставлено

напоказ, чтобы каждый мог убедиться в его истинности, а особый манифест сообщил о том, что „сми наш Алексей, получив от нас прощение, по христианской и родительской обязанности, сего числа, исповедавшись и причастившись св. таин, жизнь свою христиански окончил“.

На другой день после убийства сына Петр устраивает благодарственный молебен о Полтавской баталии. Торжество отпраздновано весьма пышно. Дан залп из 120 пушек.

Еще через день, когда тело Алексея, еще не похороненное (дабы избежать в будущем появления самоубийц, тело старались демонстрировать подольше), продолжает показываться народу. В журнале Санкт-Петербургского гарнизона рассказывается о торжествах по случаю тезоименитства его величества Петра Великого. Петр настроен все эти дни чрезвычайно празднично. В этот день, по официальному сообщению, „его величество и прочие господа сенаторы и министры веселились довольно“.

Празднества, фейерверки, балы совершаются ежегодно. Члены дипломатического корпуса позволяют себе осведомиться у Петра, как быть с пошением траура? Но официальный ответ краток: „Царевич умер, как преставил. Траура не полагается“.

Ефросиния после убийства Алексея не осталась в убогости. За свое предательство она, как оказывается, получила в наследство имущество убитого. В указе Петра от 2-го ноября 1718 года генерал-лейтенанту Бутурлину предписывается выдать ей 28 рубашек мужских и женских, белых белой 1 аршин, кунтуш женский, 2 шапки, оставшиеся после Алексея, и многое другое, до тафтяной юбки, шифонного кафтана и рукавиц включительно, какие предписано „отдать девке Афросинье с распиской“.

Петр и Екатерина надолго сохранили свою благосклонность к этой „девке Афросинье“. Она вышла замуж за офицера Петербургского гарнизона и прожила с ним свыше 30 лет в спокойствии и довольстве, — удостоверяет современник.

После убийства Алексея Петр заметно повеселел, как человек, избавившийся от грозившей ему неприятности.

В конце года, по приказанию государя, была даже выбита особая медаль с изображением царской короны, освещенной солнцем, и с надписью: „Горизонт очистился“.

ГЛАВА IX

Петр Великий был человек веселый. В 1711-м году 40-летним дядей он катается в Дрездене на деревянных лошадках и на карусели и хохочет от удовольствия до слез. Через 10 лет после этого, в 1721 году, во время народных увеселений по случаю Ништадтского мира, он „поет и прыгает“ в толпе, „вскакивает на столы и весело во все горло распевает дикие песни“.

Петр был человек веселый. Ему недостаточно было тех хитроумных выдумок, какими он разнообразил и усложнил казни, производимые в его присутствии и им лично. В 1723 году, имея за собой уже свыше 50 годиков довольно бурной жизни, Петр приказывает, напр., среди ночи бить в набат, подымает с постели всех жителей Петербурга, и, когда все они в ужасе, связанные царским приказом, обзывающим всех помогать при тушении пожара, бегут по направлению видного всему городу зарева, они находят там особо разложенный по приказанию царя костер, и слышат веселый хохот. „Гы - гы - гы! — перлов апреля“. Мы видели уже в главе о „всешутейшем соборе“, как много болезненного надрыва, издевательства над самими собой и кощунства было в веселье Петра. Во все свои забавы и увеселения Петр вносил раньше всего элемент строгого приказа и сурового ритуала. Никто не смел отказываться от напитков, от танцев, от буйных маскарадов и т. п., под угрозой строгого наказания. Все должны были веселиться не только по приказу, но еще и с оглядкой, потому что никто из окружающих никогда не знал, чего надо ждать от этого буйного весельчака. Вепыльчив был Петр неизменно. Даже его любимцы, как Мефорт и Мельшиков, сплошь и рядом попадали в очень тяжелые истории. Петр то опрокидывает Мефорта на пол и „топчет его ногами“.

го до крови избивает на празднике Меньшикова. Если так обращается царь с привилегированными, то гораздо хуже положение рядовых подданных. Силошь и рядом повторяются случаи, когда царь убивает на месте негодившего ему слугу.

Даже в церкви, как в базилианском монастыре в Полоцке, разгневавшись на настоятеля, отца Козиковского, Петр схватив шпагу, убивает на месте отца настоятеля. Офицеры его свиты считают наиболее тактичным вынуть из своих шпаг и наброситься на остальных монахов. „Трое заколоты на смерть на месте, двое умирают от ран на завтра“.

В 1703 году Петр, оказавшись недоволен словами голландского посланника, ударил его кулаком по уху и кинулся на него со шпагой. Заступничество окружающих спасло на этот раз жизнь несчастного, и дело последствий не имело. Дипломатический корпус успевает, оказывается, привыкнуть к нравам русской столицы.

Народ безмолствовал. Во все времена и во все дни в полной силе оставалась эта старая трагическая формула. „На всіх язвках все мовчить, бо благоденствує!“ — объяснял это обычное, неизменное при всех Романовых трагическое безмолвие Тарас Шевченко.

И если безмолвствовал народ и ранее, — то в дни Петра, когда буйно свирепствовала тайная розыскная канцелярия, когда день и ночь творилась заплочная работа в Преображенском приказе, когда призраком доносца, отзвуком жуткого восклицания „Слово и дело“ чудились на каждом шагу, — народное безмолвие должно было быть еще мрачнее, еще более всеобщим. Но в низах, где-то в глубине народной, назревал и рос угрюмый ропот. Документы тайной полиции, сохранившиеся до наших дней, которые В. О. Ключевский называет особым и редким видом народного творчества, рисуют чрезвычайно яркую картину. До эпохи Петра в народном представлении царь, живущий во дворце и восседающий на троне, был окружен ореолом неземного величия, и поэтому все грехи управления, все тяготы жизни ставились на счет „средостения“: бояр и приказных.

Петр сошел с заоблачной высоты, он был здесь же, рядом. то в пьяном виде, горлающим в трактире Немецкой Слободы, то в рабочем костюме среди толпы плотников, то в „машкере“, шутовском маскарадном костюме. Вместо царя в порфире и порфире со скипетром и державой в руках—здесь рядом оказывался коренастый человек с гримасничающим лицом, с трясущейся головой, с трубкой в зубах, который пил водку, ругался, сквернословил и дрался, как любой матрос.

Мы видели, что в народе выростала легенда: „Это не настоящий царь. Это подмененный самозванец“.

Народные толки, подслушанные тайной полицией, говорят о том, что на престоле вместо подлинного царя оказался подмененный немченек. Царница Наталья родила, будто бы девочку, а Лефорт подменил ребенка, подюжила своего немченка. Отсюда и пошло немецкое заведение бороды брить, платье немецкое носить, табак окантинский курить, ассамблеи немецкие с маскарадами заводить. Статочное ли дело, зор после Нарвы колокола приказано с верквей снимать, да по пушки переливать. Сразу видать, что не настоящий царь, но русский. Не даром жену да сестру в монастыре держал.

Протоколы допросов в Преображенском приказе полностью передают те жалобы, за какие так немцадно Петр со своим обер-казачком Ромодановским рубил головы. „С тех пор, как нам Бог этого царя послал, мы одного светлого дня не видали!“ Воляские дети жаловались на налоги, крестьяне на принудительные работы, дворяне на обязательную службу, — Какой он царь. Мироед. Убить его мало!

Рядом с легендой о том, что Петр еще в детстве был подменен немченком, вырос целый ряд других рассказов. — Уехал заграницу — по этим материалам — настоящий царь, но в немецких землях, в стекольном царстве (Стокгольм) настоящего - то царя в тюрьму посадили, а вместо него самозванца, немчина прислали, вот он теперь над русским народом и взмывается.

Еще более распространена была легенда о Петре-антихристе. Известия об этом шли из церковных кругов, возбужденных повешествами Никона. Эта легенда особенно укрепилась, когда Петр изменил прежний календарь и взял

летосчислению от Р. Х. (а не от сотворения мира, как это было заведено ранее). Вместо первого сентября, праздник нового года был перенесен на 1 января, и именно это почему-то более всего всколыхнуло население. — Статочное ли дело зимой новый год считать. Общее возбуждение было очень велико. Дошло до того, напр., что в 1703 году некий нижегородец, посадский человек Андрей Иванов, пришел в Москву с доносом на самого государя, на то, что он-де веру православную разрушает, бороды велит брить, платье немецкое носить, золье табачное тянуть. Дальше прообраз женского приказа и пыток в подземелье этот фанатик, поставивший целью своей жизни обличить Петра, — конечно, не дошел. Но его поход характерен, как показатель: тогдашние народы были взволнованы глубоко и серьезно. Петру прощали безобразия льняного собора, но низах не могли простить покушение на бороды. В разных городах разбрасывались подметные письма: — Неужели таковое издевательство антихристово потерпи?

Призывы к возмущению росли и ширились. Таллицкий, составивший для распространения в народе целый ряд трагедий, говорил в них о том, что „настали последние времена“: на землю русскую пришел Божьим поупущением антихрист, выдающий себя за царя.

Таллицкого немедленно казнили лютой смертью, но учение его в народе привилось, и если из записок современников мы знаем, что тамбовский архиерей, или боярин Каванский и т. п. до слез умилялись над этими трагедиями, — то в низах народных это умиление — было действительно: среди раскольников, еще при царе Алексее Божьим поупущением на север от гонимый, среди этих хранителей древнего благочестия, скрывавшихся в Олонекском и Заонежском крае, — начались массовые самоожжения. Раз на свет пришел антихрист и людей православных особыми клеймами метит (клеймение, как мы видели, и вправду применялось при приеме рекрутов в качестве своеобразной меры для борьбы с дезертирством) — то на этой земле делать нечего: — Не допустим вражью силу взмываться над собой. Своей волею на небо уйдем, к венцу мученическому приобщимся.

Потрясающе сильно росла волна самосожжений. Целые села замуровывали себя в своих избах и с благочестивой молитвой сжигали себя заживо. По данным того времени, количество людей, захотевших сжечь себя, чтобы не подчиниться новшествам антихриста - Петра, было свыше 20 тысяч. В 1704 году в Тайном приказе разбиралось дело о причте церкви в Олонецком уезде, прикинувшем к самосожженцам. Священник и дьячок этой церкви, резко порицавшие новшества Петра, как это выяснилось на допросах, решили: — как пришлют к нам новые указы, чтобы немецкое платье носить и летонись от Р. Х. вестн, — так житье наше к концу и сведом: будут люди по лесам жить и гореть, и мы тогда, священник и дьячок, „пойдем с ними в леса жить и гореть“.

Все эти симптомы были известны Петру, но он претнапролом, вводит все новые и новые порядки, заводит одно еретическое новшество за другим.

Первая газета в России, „Ведомости“, которые по почину Петра стали выходить в Москве с 1703 года, не дают и приблизительной картины того, о чем думал, чем жил в то дни Петр. Это были номера размером в $\frac{1}{8}$ листа в один или несколько листочков, напечатанные еще церковным шрифтом. Газета эта выходила раз в два-три дни, по мере прихода заграничной почты. Несмотря на то, что сам Петр настолько интересовался этой газетой, что не только заботился о составлении номеров, но и сам лично держал корректуру, номера газеты поражают своей бессодержательностью. Не только иностранные, но и русские известия появляются здесь в дословном переводе из иностранных источников, без малейшей окраски. Слошь и рядом здесь печатались даже прискорбные известия, вроде сообщения в № 1-м из Ньеншанца на Неве, то-есть из тех мест, где строился Петербург: „Мы здесь живем в бедном постановлении, понеже Москва в здешней земле zelo недобро поступает. Обыватели от страха захватили из имущества, что получше и бегут в Выборг“.

Не только редактирование, но и правка корректур в этом номере 1-м, где напечатано это известие, принадлежали полностью самому Петру. Но ему, очевидно, и в го-

лову не приходила возможность вмешательства в текст заметки, и поэтому искать отражение личности Петра в померах его газеты никак не приходится.

Гораздо показательнее в этом отношении те книги, какие напечатаны по выбору и распоряжению царя. Одной из первых книг такого рода напечатанных уже новым, измененным Петром шрифтом („сими литерами исторические и мануфактурные книги печатать“), явились „Приклады, како пишутся комплименты“, и, еще более показательная книга: „Юности честное зерцало, или показання житейскому обхождению“.

Книга эта ставит себе целью преподать правила, как следует держать себя в обществе, чтобы иметь успех при дворе и в свете. Первое и главное правило: не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валится. Больше всего рекомендуется здесь „быть отважным и неробким“: „Кто при дворе стыдлив бывает, тот с порожными руками от двора отходит“.

Книга эта „Юности честное зерцало“ имела очень большой успех, выдержала три издания уже при Петре и издавалась еще много раз впоследствии. Книга в общем весьма поучительная. Она рекомендует, напр., находясь в обществе, „в круг не плевать, а на сторону“. „Перстом носа не чистить, помаю зубов не чистить, перстов не облизывать; над пицей, как евшия, не чавкать, не проглотив куска, не говорить“, — советует этот руководитель в области хорошего тона.

Эта книга, изданная в 1717-м году таким образом, почти дословно повторяет те же советы и наставления, на каких настаивал „Домострой“ Сильвестра, написанный за два столетия до этого. Еще „Домострой“ учил правилам хорошего тона в обществе: „Носа перстом не козать, не кашлять, не сморкать, не харкать и не плевать; аще же нужно, — отшед на сторону, устроиться“. Очевидно, за два столетия, протекавшие от Домостроя Сильвестра, культурные привычки в России не очень сильно шагнули вперед, и трогательное сходство нравов при Петре и при Иоанне Грозном вовсе не случайно.

Если „Домострой“ настоятельно рекомендовал покрепче бить слуг и не останавливаться перед „учащением“ раб, („а куда пошлют слугу в добрые люди — у ворот легонько поколотить“), и поучал, что главное — это бить, а причина для побоев всегда найдется, и книга „Юности честное зерцало“ со своей стороны также рекомендует со слугами „не сообщаться“, обращаться с ними недоверчиво и презрительно, всматриваясь в них „смирять и унижать“.

Советы такого рода, правда, не устарели бы, надо думать, еще и в царствование Николая II Александровича. Уже и во времена Петра они были хорошо усвоены. „Младши отрокам“ — „Зерцало“ рекомендует — „между собой по-русски не говорить“. Это важно, во-первых для того, „чтобы не пошла прислуга“ и, во-вторых, „чтобы их, отроков, можно было отличить от незнающих болванов“.

Где-то за рубежом, за границей, живут люди. Есть люди и в Немецкой Слободе. Но в самой России, по суровому убеждению Петра, настоящих людей нет и быть не может. Есть только подданные, холопы и рабы, требующие суровой опеки и постоянного исправления. Вот почему Петр сам руководит розыскным делом, и любой из жалителей, забывших „слово и дело“ имеет право на личное внимание царя во время допроса под пытками.

Суровость Петра проявляется не только в моменты вспыльчивости. И в спокойном состоянии его приговоры поражают жестокостью.

Какой-то крестьянин обвиняется в том, что приветствовал царя при встрече „необычным образом“. Вечные каторжные работы для преступника заканчивают собою длинную серию перенесенных им во время допросов пыток.

Другой крестьянин повинен в том, что он не знал, будто бы, что царь принял титул императора. Вырванные позды и вечные каторжные работы завершают и это обвинение.

У какой-то женщины нашли боченок пива с какими-то буквами. Кто начертал эти буквы, что они значат, она объяснить не может. Женщину забивают до смерти.

Какой-то студент в состоянии опьянения произнес непристойные слова. Тридцать ударов кнута, вырванные позды и вечные каторжные работы.

Если бы не знать, — говорит французский историк, — что все это выдержки из официальных протоколов петровской Тайной Канцелярии, их легко было бы смешать с постановлениями революционных трибуналов под председательством Кутона или Сен-Жюста.

Приведенные здесь приговоры являются характерными, именно, для спокойных моментов правосудия Петра. В тишине он не останавливается перед тем, чтобы целую толпу людей, среди которых, по его мнению, находятся невинных, повесить всех без разбора на крюк за ребу.

Даже Регламенты Петра кажутся невероятными жестокими и для того времени. Если канцелярский служащий не отправил бумаги в срок, — законом установлена смертная казнь. Если солдат шел на приступ „с воєм“, — смертная казнь. Нечего и говорить о дезертирстве солдат. Даже уклоняющийся от гражданской службы — объявляется вне закона.

В указе 1722 года относительно таких уклоняющихся сказано, что „если кто такого ограбит, рапит или убьет, никакому преследованию не подвергать“.

Фамилии таких уклоняющихся, объявленных вне закона, людей опубликовываются во всеобщее сведение путем обычных объявлений, прибываемых на виселицах.

Чтобы уменьшить очень большое количество смертников, в 1712 году введено было специальное клеймение преступников, наподобие каторжников: на левой руке награвался особый рисунок, натравлен порохом и выжигался. Эта мучительная татуировка не блистала, правда, красотой, но зато отличалась редкой прочностью.

Поражает в характере Петра его странная и неумеренная любовь к рекламе. Голландский посланник Вандергуверт пишет о нем в 1700-м году: „После каждой малейшей удаче здесь поднимается такой шум, что кажется, будто удалось перевернуть весь мир“. Впрочем очень часто такой же хвастливый тон принимает Петр и после неудач.

Отсутствующие победы с усюхом заменяются широкошумными релляциями о победах. В самый безуспешный, напр., период шведской войны Петр усюрно предается празднествам по случаю выдуманных им побед. Фейерверки, пальба из пушек, раздача наград только усиливаются в дни поудач на фронте.

Этот могучий буйный человек, как ребенок, боится насекомых. При виде таракана он не только в ужасе шаркался в сторону, но доходил до обмороков.

Любовь Петра к морю, и вообще к воде доходит до того, что, когда в 1706-м году огромное наводнение затопило Петербург, — Петр любителю наводненным улицам, он в восторге. Он не хочет и знать о несчастьях, нанесенных стихией, и увидав, что его комната на два фута залита водой, как ребенок, хлопает в ладоши.

Общий уровень нравов среди сановников Петра проявляется тем резче, что количество мало-мальски грамотных людей — было наперечет. Силошь и рядом, убедившись, что тот или иной из приближенных оказывается казнокрадом и преступником, — Петр все же назначал его на прежнюю и более ответственную должность. Людей нет, заменить поком. — В тюрьму не посадишь, и головы не срубншь, разве что дубинкой проучишь, и все тут.

До чего велик был недостаток в людях, видно из того, что не только обличенных мадонцев, но необходимости, ветряляли на занимаемых ими важных постах, но даже и людей, уже осужденных по суду за серьезные преступления, назначали на видные должности. Так, напр., когда князь Лобанов-Ростовский (владевший, кстати сказать, несколькими сотнями крестьянских дворов) разбоем отбил царскую казну на Троицкой дороге, он был осужден и бит кнутом за это преступление. Но вскоре после того был все же назначен капитаном Преображенскаго полка.

Но нужными оказываются все же, именно, такие люди: грустная и трогательная судьба Посошкова доказывает это с очевидностью. Посошков, человек с философским отношением к миру, умудрился родиться не в Англии или Германии, где бы он бесспорно создал целую школу, нашел бы

учеников и последователей, а в России, где оказался трагически не ко двору. Посошков составляет и посылает Петру политическую энциклопедию. „Рассуждение о богатстве и бедности“, сочинение, исполненное исключительно ценных и глубоких истин, но на эту его работу никто не обращает никакого внимания. Посошков пытается направить свою энергию на практические работы, основывает впервые в России производство селитры, но и это никому не интересно. Князь Голицын уплачивает ему за все его работы в этой области 14 рублей и от продолжения разговоров уклоняется.

Только после смерти Петра исключительно ценные и важные сочинения Посошкова были, наконец, прочитаны при дворе, но единственный результат, какой от этого получился, сказался в том, что бедного автора посадили в тюрьму, где и гноили до смерти. Издатель для его книги нашелся впервые только через 50 лет.

Любопытно отношение Петра к вопросам морального характера. Когда он узнает, что по статуту Карла V за прелюбодеяние полагается смертная казнь, он спрашивает: „Разве у него, Карлуса, было слишком много подданных“? За детоубийство Петр неизменно назначает смертную казнь. Но прелюбодеяние он готов простить, поскольку оно обещает ему еще одного подданного, еще одного солдата, еще одного слугу.

Дело подданных — служить своему государю: в этой основной сентенции Петр не сомневается ни на минуту. Он вербует армию шпионов и сыщиков так же просто и естественно, как и кадры чиновников. Эта армия шпионов, какой так дорожил Петр, кажется ему чем-то вполне естественным. Должен же хозяин знать, что творится в его хозяйстве! Посылая на усмирение бунта в Астрахани фельдмаршала Шереметьева он одновременно с этим втайне от фельдмаршала назначает в его свиту особого шпиона, Щепотьева. Посылая в Париж своим резидентом и посланником барона Шлейница, Петр прикомандировывает к нему в качестве шпиона канцелярского писца Юрина.

Когда вчитываешься в историю Петра и историю его предшественников, получаешь впечатление, как будто исто-

рики между собой условились приписывать именно Петру все заслуги, касающиеся робкого прорастания побегов культуры в России. Почему-то именно Петру приписывается заслуга первых попыток кораблестроения, тогда как уже его отец Алексей Михайлович успел сделать много в этой области. И вовсе не случайно тот ботик, какой получил громкое имя дедушки русского флота, был найден Петром в уже готовом виде. Так же точно именно Петру приписывается полностью реформа костюма в России, хотя указ об обязательной смене длинного охабня и долгого колого кафтана коротким платьем издал уже его предшественник.

Именно Петру приписывается также начало раскрепощения женщины, тогда как признаки этого ярко проявляются задолго до Петра, и самая фигура Софьи, по своему времени не только свободной, но и образованной женщины, может служить ярким подтверждением этого.

Петр не был творцом, а только подражателем. Это более или менее общеизвестно, ибо все его реформы привезены им с Запада. Но Петр не был и начинателем, его удел был продолжение и развитие еще до него наметившихся реформ.

Уже при Алексее, с помощью иностранцев, строились железные, суконные и полотняные заводы, делались попытки завести свои корабли; и московский боярин Ордын-Нащokin писал уже свой торговый устав, — констатирует М. Н. Ковалевский: Россия покрывалась уже и русскими фабриками и заводами Сериковых, Затрапезных и др. Во главе этих представителей крупной буржуазии того времени стоял уже давно „железный король“ Урала, Никита Демидов, который только что вылунился из мужицкого зинчуна и не был еще князем Демидовым Сан-Донато.

В тех случаях, когда Петр изобретает, а не подражает, результаты получаются комические. Полиция, по указу Петра, обязана не только обеспечивать безопасность и внешнее благоустройство, но еще и „добрые порядки и правоучения“, „рождать каждого к трудам и промыслу принуждать, юных в целомудренной чистоте и честных науках воспитывать, излишек в домашних расходах запрещать. Полиция есть не более и не менее, как „душа гражданства“.

Петр выдвигал на первый план финансовые свои меры, но и здесь он беспомощен, как дитя. Особыми пощипками обложены бани, бороды, раскольничьи верования. Казенной монополией объявлена не только продажа табака, но даже и продажа дубовых гробов. Главная финансовая мера у этого „хозяина России“ — выколачивание палогов. Петр посылал офицеров, унтер-офицеров и даже простых солдат в качестве ревизоров, с одним только требованием: „Губернаторам непрестанно докучать, и за ноги ковать, и нешто налагать цепи, и по то время не освобождать, пока они чего следует не исполнят“. Так, калужского вице-губернатора Воейкова и остальных представителей калужской власти унтер-офицер Пустошкин, по приказу царя, держал „в цепи и в железах немалое время, но и то бесполезно. И затем одержавшей ничего не učinили“..

По словам Посожкова, помещики того времени крепко держались следующего принципа: „крестьянину не дашь обрасти, но стриги его, как овцу, до-гола“. Дальше этой мудрости не пошел и всероссийский помещик, Петр, так гордившийся тем, что он не лодырь и расточитель, а подлинный и, будто бы, рачительный хозяин.